Магометъ.

I.

Положить границу между нормою и душевною болѣзнью весьма трудно, если не невозможно. Многія лица, признаваемыя душевно здоровыми, сплошь и рядомъ оказывались людьми душевно-больными, а лица, признанныя спеціалистами людьми душевно-больными, въ обществѣ считались душевно-здоровыми. Естественно, что всѣ эти смѣшенія порождаютъ недоразумѣнія, неудовольствія и даже болѣе серьезныя и непріятныя послѣдствія. Тѣмъ не менѣе, несмотря на очень значительные успѣхи за послѣднее время въ области клинической психіатріи, подобныя недоразумѣнія возможны, и будущее, мы увѣрены, не лишено ихъ, въ свою очередь. Для того, чтобы доказать возмож-

ность недоразумѣній, я позволю себѣ привести только одинъ фактъ, описанный профессоромъ Ball'емъ *), который наглядно покажетъ возможность пребыванія среди общества людей съ гражданскими правами, обладающихъ не вполнѣ нормальными умственными способностями.

Въ Нейшателѣ жилъ нотаріусъ. Это былъ человѣкъ вполнѣ здравомыслящій, умный дѣлецъ, честный, всѣми уважаемый и религіозный. Дожилъ до глубокой старости и ни въ комъ не возбуждалъ на свой счетъ никакихъ подозрѣній. Послѣ его смерти, наслѣдники, между различными бумагами, нашли пакетъ съ слѣдующимъ документомъ:

«Контрактъ товарищества (Contrat de societé). Между Всемогущимъ Господомъ Богомъ, Вѣчнымъ, Всеблагимъ и Премудрымъ съ одной стороны и мною, нижеподписавшимся, Isaak Vuagnaux, его жалкимъ всеподданнымъ и

*) Ball. Les frontières de la folie, L'Encephale, 1883.

ревностнымъ обожателемъ—съ другой стороны — былъ заключенъ и скрѣпленъ контрактъ товарищества, содержаніе коего слѣдующее:

Пунктъ 1. Это товарищество имѣетъ цѣлію торговлю напитками.

Пунктъ 2. Мой многоуважаемый и многомилостивый товарищъ соблаговолитъ, какъ участникъ въ капиталѣ, излить свое благословеніе на наше предпріятіе, въ какой мѣрѣ онъ лучше разсудитъ съ его отеческой точки зрѣнія, и исполненіе неизмѣнныхъ велѣній его вѣчной премудрости.

Пунктъ 3. Я, нижеподписавшійся, Isaak Vuagnaux, обѣщаю съ своей стороны въ вышеупомянутое товарищество приглашать вносить капиталы, которые будутъ необходимы, дѣлать всѣ сдѣлки по платежамъ въ подвалѣ, производить куплю и продажу, веденіе книгъ, счетовъ и, однимъ словомъ, посвящать мое время, мою работу и мои физическія и нравственныя силы на

преуспѣяніе и успѣхъ этого дѣла по совѣсти и чести.

Пунктъ 4. Въ книги будутъ занесены операціи по дѣлу: суммы, внесенныя въ дебетъ и кредитъ счета, будутъ получаться соразмѣрно долѣ интереса, считая по 31 декабря каждаго года, когда счета будутъ пріостанавливаться.

Пунктъ 5. Вознагражденіе будетъ распредѣлено пополамъ, между моимъ Высокимъ и Всемогущимъ Товарищемъ и мною, и т. д.

Весь этотъ контрактъ заканчивается передачею на бѣдныхъ суммы въ 7,327 ф. и 35 сантимовъ.

Спрашивается: это былъ душевно-здоровый или душевнобольной человѣкъ? А такихъ людей мы нашли-бы и въ нашемъ обществѣ не мало. Все это люди милые, хорошіе, добрые, но только немножко «странные, чудаки, самодуры»,—этими и тому подобными кличками члены общества желаютъ выдѣлить этихъ людей изъ среды себѣ подобныхъ.

Въ послѣднее время изобрѣтено новое слово — «психопатъ». Названіе «психопатъ» и «психопатка» даются всѣмъ тѣмъ лицамъ, которыхъ прежде называли чудаками, странными, самодурами и т. п. Но слово «психопатъ» само по себѣ столь-же мало значитъ, какъ и слово чудакъ. Введеніе этого слова въ употребленіе въ обществѣ показываетъ только одно: нѣкоторое право за врачами-спеціалистами на полученіе въ свое вѣдѣніе и наблюденіе людей, именуемыхъ психопатами. Такой успѣхъ представляетъ большой шагъ впередъ въ развитіи общества и его взглядовъ. Онъ показываетъ на проникновеніе въ общество научныхъ свѣдѣній, довѣріе къ наукѣ, довѣріе къ тѣмъ лицамъ, кои создаютъ это ученіе. Такой шагъ стоитъ большого труда. Если дѣйствительно это такъ, то долгъ спеціалистовъ не останавливаться на этомъ и стараться заинтересовать общество въ томъ-же направленіи, ибо правильное пониманіе душевныхъ уклоненій

имѣетъ весьма серьезное значеніе и въ дѣлѣ политики, и въ дѣлѣ религіи, и особенно въ дѣлѣ правильнаго пониманія и отношенія къ проявленіямъ общественной жизни. Чего стоитъ правильный взглядъ на положеніе и призрѣніе нашихъ несчастныхъ душевно-больныхъ? Чѣмъ недостаточнѣе и неправильнѣе будетъ пониманіе нашимъ обществомъ сущности душевныхъ заболѣваній, тѣмъ меньше разсчета на правильное, разумное и человѣчное ихъ призрѣніе. Чѣмъ яснѣе и опредѣленнѣе будутъ эти знанія у общества, тѣмъ снисходительнѣе и участливѣе оно будетъ относиться ко многимъ оправдательнымъ приговорамъ суда, постановленнымъ на основаніи научно-медицинскихъ экспертизъ въ судебныхъ разбирательствахъ. Да существуетъ много и другихъ жизненныхъ сторонъ, гдѣ разумный взглядъ и правильное пониманіе душевнаго здоровья и душевной болѣзни будутъ весьма полезны и для общества, и для тѣхъ несчаст-

ныхъ его членовъ, о которыхъ идетъ рѣчь.

Но если мы даже оставимъ въ сторонѣ вопросъ о пользѣ отъ этихъ знаній, о тѣхъ практическихъ послѣдствіяхъ, кои получаются отъ правильнаго пониманія душевныхъ уклоненій, то существуетъ еще одна сторона дѣла, присущая мыслящему существу, — любознательность и стремленіе къ пониманію тѣхъ сторонъ жизни, которыя зачастую остаются для насъ темными, неясными, загадочными и въ обычной жизни, и въ политикѣ, и въ религіи, и во многихъ другихъ областяхъ душевной жизни человѣка.

При разсмотрѣніи вопросовъ душевной патологіи въ примѣненіи къ общественной практикѣ лучше всего останавливаться на историческихъ личностяхъ и на историческихъ событіяхъ. Они всѣмъ образованнымъ людямъ болѣе или менѣе извѣстны, почти во всѣхъ возбуждаютъ интересъ своею неясностью и темнотою и побуждаютъ умъ къ про-

никновенію въ сокровенное и, главное остаются для всѣхъ безобидными.

Въ самомъ дѣлѣ, сколько такихъ темныхъ и непонятныхъ вопросовъ вокругъ насъ, гдѣ психологія лица и толпы несомнѣнно въ событіяхъ играетъ столь-же серьезную роль, какъ и климатъ, географическое положеніе, физическія условія существованія и проч. Этотъ личный элементъ и его значеніе въ исторіи, на мой взглядъ, въ настоящее время привлекается къ дѣлу меньше, чѣмъ это слѣдовало-бы, такъ-какъ въ очень многихъ событіяхъ прошлаго объясненіе темнаго и непонятнаго мы нерѣдко найдемъ въ правильномъ освѣщеніи душевнаго состоянія героя и окружающей его толпы.

Нисколько не посягая на какое-бы то ни было участіе въ измѣненіи даннаго направленія въ историческихъ изысканіяхъ, позволительно будетъ замѣтить, что къ тому натурализму, который еще недавно особенно царилъ въ историческомъ методѣ, нужно

было-бы добавить нѣсколько больше психологическаго элемента, который въ иныхъ случаяхъ, я убѣжденъ, окажется очень не лишнимъ. Для примѣра мы возьмемъ моментъ появленія и развитія ислама и главнаго ея творца—Магомета. Насколько прежніе историки въ этомъ лицѣ видѣли много сверхъестественнаго, чудеснаго, необыкновеннаго, настолько новые стремились свести все на самыя простыя и естественныя условія жизни, усматривая въ жизни Магомета не только человѣка зауряднаго и простого, но даже во многихъ случаяхъ притворщика и обманщика.

Вполнѣ соглашаясь съ тѣмъ, что въ данномъ лицѣ не было ничего сверхъестественнаго, нельзя, однако, отказать Магомету въ томъ, что это былъ человѣкъ необыкновенный, стоящій далеко выше толпы и властно повелѣвающій ею, хотя это былъ и больной человѣкъ.

Такіе случаи возможны, и таже исторія даетъ намъ подтвержденіе нашихъ словъ. Никто не

станетъ отрицать геніальныхъ способностей Цезаря, Наполеона I, Достоевскаго, Петрарки и многихъ другихъ, хорошо знакомыхъ намъ историческихъ лицъ,— тѣмъ не менѣе природа не помѣшала имъ быть эпилептиками. Такимъ образомъ, одна и та-же мать дала имъ одною рукою—ихъ геній, а другою—эпилепсію. Быть можетъ въ жизни и дѣятельности этихъ людей очень многое объясняется именно этимъ сочетаніемъ. Да это такъ было и на дѣлѣ. А что это можетъ быть такъ, видно будетъ на одномъ историческомъ лицѣ—Магометѣ, который несомнѣнно былъ и геній, и эпилептикъ.

II.

Магометъ былъ сынъ счастливой Аравіи.

Аравійскій полуостровъ представляетъ сочетаніе безпредѣльныхъ песчаныхъ пустынь, скалистыхъ горъ, дико-безплодныхъ мѣстъ съ мѣстами необыкновенно живописныхъ оазисовъ съ источникомъ воды и жизни, плодовыми деревьями и зеленою травою. Но такъ-какъ оазисы были только лишь ничтожными точками въ безбрежномъ песчаномъ морѣ, то жизнь страны была слишкомъ бѣдна, однообразна и безсодержательна.

Временами и эта страна заселялась и становилась мѣстомъ культуры и цивилизаціи; доказательствомъ этому служатъ развалины городовъ съ прекрасными дворцами, водопроводами и проч.

въ южной части Аравіи. Но это было давно, еще до Рождества Христова, и длилось очень не долго. Въ общемъ-же Аравія оставалась одинаковою, какъ въ день сотворенія міра, такъ и во времена Магомета, такъ и теперь. Побережья страны нѣсколько заселялись,—сѣверная часть, примыкающая къ Іудеѣ и другимъ, болѣе людным странамъ, также немного заселялась, средина-же Аравіи была пустынна, таинственна и мрачна.

Песчаная пустыня и скалистыя горы были одинаково неблагопріятны для постояннаго заселенія страны, географическое положеніе еще болѣе ухудшало жизнь скитальца. Страшный зной и палящій жаръ накаляли какъ песокъ, такъ и скалы и дѣлали жизнь невыносимой. Отсутствіе малѣйшей тѣни и капли воды убивало все живое на землѣ. Самый воздухъ раскалялся, разрѣжался, былъ прозраченъ и измучивалъ глазъ путника дивными и заманчивыми миражами. Измученный жаждою, опаляемый

солнцемъ, утомленный, разслабленный и голодный путникъ, вдругъ усматривалъ дивный миражъ: вотъ-вотъ передъ его глазами прекрасный благоустроенный городъ, съ чудными постройками, садами, фонтанами и источниками. Послѣднія силы путникъ напрягаетъ, чтобы скорѣе достигнуть тихаго пристанища. Но видѣніе лишь манило путника и не давалось ему. Это былъ только миражъ...

За то какъ прекрасны тамъ ночи. Съ послѣдними лучами солнца наступала ночь и тропическій жаръ смѣнялся прохладой. Милліарды звѣздъ высыпали на небѣ и освѣщали землю, какъ солнце. Но путникъ не двигался съ мѣста. Абсолютная тишина, математически правильно очерченный горизонтъ, дивный небесный куполъ, милліарды звѣздъ, неописуемо яркихъ и блестящихъ, вслѣдствіе разрѣженности и усиленной прозрачности раскаленнаго воздуха,—незримые ароматы, проникающіе отъ смолистыхъ растеній отдаленныхъ

оазисовъ... все это очаровываетъ и гипнотизируетъ путника. Какъ онъ ничтоженъ, безсиленъ, малъ по сравненію со всѣмъ величіемъ небеснаго и земного! Много-ли онъ больше и могучѣе противъ той песчинки, которая у него подъ ногами? О, кто ты, создавшій все, управляющій всѣмъ и поддерживающій все?... Наблюдая такое величіе изо дня въ день, видя правильныя перемѣны на небѣ и землѣ, наблюдая рожденіе, болѣзни и смерть, человѣкъ невольно создавалъ идею о комъ-то всемогущемъ и о своемъ личномъ ничтожествѣ передъ нимъ.

Бѣдность обстановки, ничтожество жизненныхъ интересовъ, безпомощность существованія, величіе небеснаго, порядокъ и неукоснительность бытія—невольно наводили дикаго жителя на мысль о высшемъ существѣ и вообще располагали къ созерцательной жизни. Насколько содержательность образовъ, смѣна представленій и бытовыхъ интересовъ жизни осѣдлой въ такихъ

случаяхъ располагаютъ къ фантазіи и воображенію, настолько пустыня съ вышеуказанной обстановкой располагаетъ къ жизни созерцательной и отвлеченной философіи. Таковы всѣ номады. Таковы были и арабы.

Но каково бы ни было міросозерцаніе, оно вело арабовъ къ двумъ роковымъ выводамъ: къ представленію о Богѣ-творцѣ и представленію о полномъ личномъ ничтожествѣ. Единственный выводъ изъ этихъ двухъ представленій—смиренная покорность высшей волѣ. Какъ прекрасно это выражено словами библейскаго страдальца, потерявшаго все: и стада животныхъ и рабовъ и зданія, и даже собственныхъ дѣтей—«Богъ далъ и Богъ взялъ,—да будетъ благословенно имя Божіе». Такія слова могъ сказать только арабъ. Въ этихъ словахъ вся его религія,—умѣйте только правильно сформулировать ее, и арабъ весь на вашихъ глазахъ.

Этотъ-то дикій полуостровъ населяло семитическое племя ара-

бовъ, очень близкое и родственное и по языку, и по природнымъ качествамъ и даже по мѣсту жительства съ евреями. Происхожденіе этого народа, по преданію, таково: Авраамъ, не имѣя долго дѣтей отъ Сарры, съ ея разрѣшенія, взялъ себѣ въ жены служанку, Агарь, отъ которой у него родился сынъ Измаилъ. Когда, впослѣдствіи, у Сарры тоже родился сынъ, то Агари пришлось оставить домъ патріарха. Она взяла сына, Измаила, и отправилась съ нимъ на югъ, въ ту страну, которая нынѣ извѣстна подъ именемъ Аравіи. Легенда о происхожденіи жителей Аравіи—арабовъ—отъ Измаила поддерживается отчасти и тѣмъ обстоятельствомъ, что жители сосѣдней съ Іудеей сѣверной Аравіи назывались евреями измаильтянами.

Когда Агарь шла съ своимъ малюткой Измаиломъ по пустынной новой странѣ, то она и сынъ были страшно истомлены и мучимы жаждой. Измаилъ умиралъ. Еще нѣсколько мгновеній и его

бы не стало. Мать молилась Богу о спасеніи, и Господь услышалъ молитву матери. Ангелъ Господень явился, ударилъ посохомъ по каменной скалѣ, у которой сидѣла Агарь, и оттуда заструился источникъ воды живой. Здѣсь-то и поселилась Агарь со своимъ сыномъ. Источникъ этотъ и нынѣ указывается и составляетъ святыню арабовъ.

Когда, спустя нѣкоторое время, Ибрагимъ (или Авраамъ) захотѣлъ провѣдать Агарь и Измаила, то онъ пришелъ къ нимъ и въ честь ихъ спасенія устроилъ здѣсь жилище Богу, Каабу. И Богъ былъ милостивъ къ своему вѣрному Ибрагиму,—и, въ знакъ своей любви къ нему, послалъ ему съ неба на землю камень, который Ибрагимъ и заложилъ въ основаніе Каабы. Въ то время камень этотъ сіялъ необыкновеннымъ блескомъ; но, по мѣрѣ того, какъ человѣкъ грѣшилъ, камень этотъ тускнѣлъ, темнѣлъ и нынѣ сталъ совершенно чернымъ, какъ и совѣсть людская. Но настанетъ день, день страш-

наго суда, когда камень вновь возсіяетъ и своимъ свѣтомъ вновь озаритъ весь міръ. И до сихъ поръ каждый правовѣрный почитаетъ главною задачею своей жизни побывать въ Меккѣ, обойти семь разъ Каабу, семь разъ поцѣловать черный камень и семь разъ испить изъ источника воды. Источникъ этотъ чистъ, вода его прозрачна, она весело и живо течетъ по каменистому дну, журча и издавая звукъ, похожій на «земъ-земъ», почему и самый источникъ носитъ названіе *Земъ-Земъ*.

Здѣсь-то поселилась Агарь. Здѣсь стоитъ главный пунктъ арабскаго народонаселенія. Здѣсь устроилась Мекка. Здѣсь родился великій пророкъ правовѣрныхъ, Магометъ. Здѣсь онъ похороненъ. Здѣсь его гробъ. Сюда стекаются всѣ мусульмане на поклоненіе святынѣ. Сюда каждый правовѣрный, пять разъ въ сутки, при совершеніи молитвъ, поворачиваетъ свое лицо.

Поселившійся здѣсь Измаилъ сталъ родоначальникомъ велика-

го племени и великаго народа, заселившаго не только Аравію, но и другія страны. Воистину исполнилось слово Ангела Агари: «умножая умножу сѣмя твое и не сочтется отъ множества; се ты во чревѣ имѣеши и родиши сына и наречеши имя Исмаилъ. яко Господь услыша смиреніе твое: се благословихъ его и возращу его и умножу его зѣло: на десять языкъ родитъ и дамъ его въ языкъ велій».

III.

Итакъ арабы, по преданіямъ, происходятъ отъ Авраама, черезъ сына его Измаила. Потомки Измаила разселились по всей Аравіи и по образу жизни и занятіямъ дѣлились на два класса— кочующій и торговый. Торговый жилъ преимущественно по взморью и населялъ тѣ небольшіе городки, которые тамъ имѣлись, — кочующій былъ разбросанъ по всему лицу Аравійской земли. Весь этотъ народъ не представлялъ чего нибудь цѣлаго, единаго, — напротивъ, онъ былъ разбитъ на отдѣльные, немногочисленные роды, которые всѣ вмѣстѣ объединялись только двумя обстоятельствами: тѣмъ, что они заселяли Аравійскій полуостровъ, и тѣмъ, что они говорили однимъ языкомъ. Можетъ

быть въ прежнее время и вѣра у нихъ была одна, но если это и было такъ, то слишкомъ ужъ давно.

Аравійскія племена жили порознь, отдѣльно и ничего общаго между собою не имѣли. Всѣ члены одного племени во главѣ имѣли одного старшаго въ родѣ, волѣ котораго повиновались во всемъ томъ, что касалось интересовъ племени. Родоначальникъ или патріархъ въ племени имѣлъ только нравственное превосходство надъ остальными членами племени и являлся предсѣдателемъ совѣта, состоящаго изъ всѣхъ членовъ племени, совершенно между собою равноправныхъ. Власть въ родѣ переходила по смерти старшины къ другому, старѣйшему въ родѣ.

Жизнь въ безплодной пустынѣ, населенной враждебными силами, и человѣческими и звѣриными, могла быть безопасной лишь при взаимной порукѣ другъ за друга отдѣльныхъ членовъ рода. Поэтому преданность роду или племени у бедуиновъ или

кочующихъ арабовъ была безпредѣльна и безгранична. Здѣсь именно была жизнь одного для всѣхъ и всѣхъ для одного. Обида, нанесенная кому-нибудь изъ членовъ племени, была обидой племени, и потому все племя вооружалось въ защиту и на месть за потерпѣвшаго своего члена. Отсюда вытекаетъ непрерывная кровавая борьба отдѣльныхъ племенъ и постоянное истребленіе другъ друга.

Была къ тому и другая причина. Бедуинъ — кочевникъ, т. е. воплощенный бѣднякъ. Его занятія скотоводство. Земледѣліе и торговля составляли занятіе очень небольшой части осѣдлаго населенія. Самое скотоводство было и не разнообразное, и не обильное. Лошадь и верблюдъ— вотъ скотъ бедуина. Очень небольшіе оазисы, разбросанные по песчаной пустынѣ, не позволяли ихъ имѣть въ большемъ количествѣ. Высыханіе источниковъ заставляло бедуина постоянно кокочевать съ мѣста на мѣсто. Поэтому бедуины не могли питать-

ся только скотоводствомъ. Вторымъ источникомъ ихъ существонія былъ грабежъ. Они грабили караваны, грабили путешественниковъ, грабили сосѣдей. Разбой и грабежъ были средствомъ къ существованію араба и составляли коренное условіе ихъ жизни и бытія. Бедуины были воинственны по природѣ, къ тому ихъ вынуждала непрерывная кровная племенная месть и необходимость существованія. Не награбилъ—не поѣлъ. Такимъ образомъ исконно, вѣками, бедуинъ жилъ вольной птицей. Онъ не сѣялъ, не жалъ, а существовалъ тѣмъ, что посылалъ ему Аллахъ. Послалъ Аллахъ—хорошо,—не послалъ,—да будетъ воля его. Иначе: ограбилъ—хорошо, не удалось—такъ угодно Аллаху. Но это постоянно вело къ тому, что или онъ убивалъ кого нибудь, или его убивали. Поэтому жизнь бедуина въ его глазахъ была ниже всякой цѣны. Все отъ воли Аллаха: и пища, и цѣлость, и жизнь. Да будетъ воля его! Только онъ одинъ надъ всѣмъ. Бедуинъ былъ

фаталистъ до послѣдней степени. Это свойство съ одной стороны создало въ его характерѣ полную безропотность и покорность судьбѣ, а съ другой—полную независимость и личную самостоятельность. Надъ бедуиномъ нѣтъ власти, нѣтъ силы, нѣтъ воли, кромѣ его личной силы, власти и воли. Аллахъ?—то другое дѣло. Онъ знаетъ, что дѣлаетъ... Патріархъ племени и племя? Но это я. Я частица его и потому племя такъ думаетъ, какъ я и я такъ думаю, какъ племя. Этимъ обусловливается независимость, гордость, самосознаніе и признаніе собственнаго достоинства и полнѣйшая свобода дѣйствій, насколько она стоитъ въ его личныхъ интересахъ и интересахъ племени.

Арабы рѣдко находились подъ чужою властью,—да едва ли это и было возможно. Прежде всего властвовать надъ ними не было особеннаго интереса, такъ какъ они были безконечно бѣдны, а затѣмъ бедуинъ—это, собственно величина неуловимая: се-

годня онъ здѣсь, завтра—въ другомъ мѣстѣ. Несмотря на то, что бедуинъ по природѣ своей существо хитрое и самое опасное въ данной мѣстности, — условія его безпомощнаго существованія выработали въ немъ прекрасное чувство — долгъ гостепріимства. Странникъ, хотя бы онъ былъ самый страшный врагъ въ домѣ или палаткѣ бедуина—гость божій и потому онъ неприкосновененъ и находится подъ защитой и охраной хозяина. Это нисколько не мѣшаетъ, при встрѣчѣ съ дорогимъ гостемъ въ другой моментъ, внѣ своихъ владѣній, ограбить и убить его.

Такимъ образомъ живущій какъ птица небесная, не обремененный хозяйственными и государственными заботами, живя бездѣятельною жизнью, бедуинъ имѣлъ много свободнаго времени. Пораженный величіемъ, законосообразностью и мощью окружающаго, а равно сознавая свое полное ничтожество въ общемъ бытіи, арабъ много думалъ о Богѣ. Онъ всю свою жизнь

проводилъ въ размышленіи о высшемъ существѣ и его міровомъ величіи. Бедуинъ былъ философъ по призванію и по необходимости. Ему даже не о чемъ было и думать. Поэтому арабъ любилъ Бога, любилъ потому, что онъ всюду видѣлъ его присутствіе въ его созданіи, онъ постоянно мечталъ о немъ, онъ только и жилъ мыслью о немъ.

Считая свое происхожденіе отъ Ибрагима или Авраама, бедуинъ имѣлъ вѣру отъ него. Это была вѣра въ единаго вѣчнаго Бога, сотворившаго Адама, пославшаго потопъ, опредѣлившаго для продолженія рода человѣческаго Ноя и т. д. Но такъ какъ арабскія преданія были устными, то они подвергались многимъ измышленіямъ и искаженію, — но сущность оставалась одна.

Арабы признавали Бога единаго. Онъ жилъ на небѣ.—Онъ жилъ повсюду и во всемъ,—но у него была резиденція и на землѣ, это было именно въ Каабѣ въ Меккѣ: тамъ, гдѣ прама-

терь Агарь отдыхала, тамъ, гдѣ праотецъ Измаилъ былъ спасенъ, тамъ, гдѣ ангелъ открылъ источникъ Земъ-Земъ, тамъ, гдѣ находится черный камень. Туда бедуинъ стремится къ своему вещественному богу, находящемуся въ Каабѣ. Кааба стала храмомъ идоловъ, устроеннымъ, по мнѣнію арабовъ, по образцу чертоговъ божіихъ на небѣ. Здѣсь каждое племя имѣло своего бога—идола, которому они и поклонялись. А такъ какъ арабскихъ родовъ было цѣлыя сотни, то и идоловъ вокругъ Каабы и въ ней набралось болѣе четырехъ сотъ. Этимъ способомъ единобожіе постепенно превратилось въ идолопоклонство. Племена по временамъ сливались одно съ другимъ, поглощали другъ друга и перемѣшивались, такимъ образомъ для каждаго племени начало появляться нѣсколько боговъ и нѣсколько идоловъ. Естественно, что успѣхъ того или другого племени приписывался покровительству его бога, а потому данному богу начинали покло-

няться и другія племена, что еще болѣе укрѣпляло многобожіе. Въ концѣ концовъ арабы—и по преданіямъ, и по существу, и по природѣ монотеисты—теперь стали многобожниками и идолопоклонниками.

Мекка стала средоточіемъ федеративной религіи. Восемь мѣсяцевъ въ году арабы разбойничали, занимались грабежомъ, странствовали съ мѣста на мѣсто и были въ воинственномъ настроеніи,—за то четыре мѣсяца у арабовъ считались священными,—въ это время они не имѣли права ни грабить, ни воевать. Эти мѣсяцы посвящались молитвѣ и путешествію въ святое мѣсто—Каабу. Въ это же время купцы спѣшили производить свои обороты. Такъ, со всѣхъ сторонъ замкнутаго Аравійскаго полуострова тянулись къ Меккѣ караваны. Одни караваны шли только въ Мекку,—другіе тянулись черезъ Мекку за предѣлы Аравіи. Мекка была пунктомъ, гдѣ должны были останавливаться всѣ караваны, какъ чисто

мѣстные, такъ и иноземные, идущіе изъ Абиссиніи и другихъ странъ въ Персію, Индію и обратно.

Естественно, Мекка была святыней, но и очень бойкимъ торговымъ мѣстомъ. Было время, когда въ ней насчитывалось до 100,000 народонаселенія, которое занималось очень оживленною и обширною торговлею. Было очень интересно владѣть этимъ жизненнымъ ключомъ. Кто владѣлъ Меккой и Каабой, тотъ владѣлъ всей Аравіей, хотя при этомъ приходилось много лавировать, чтобы угодить всѣмъ племенамъ и ихъ родоначальникамъ.

Въ данный моментъ, во время появленія Магомета, Меккою владѣли корейшиты. Мекка стоитъ въ песчаной ложбинѣ, вдали отъ моря, окруженная обнаженными, безплодными холмами. Предметы потребленія, даже хлѣбъ, доставлялись сюда изъ другихъ мѣстъ. Мекка стала ярмаркой на всю Аравію и, слѣдовательно, главнымъ складочнымъ мѣстомъ товаровъ между Индіей, Сиріей,

Египтомъ и даже Италіей. Образъ правленія въ Меккѣ былъ отчасти республиканскій: десять выборныхъ лицъ отъ племени управляли Меккой и Каабой.

Кромѣ Мекки были у арабовъ и другіе города, какъ Ятрибъ, Окатъ и проч. Въ эти города арабы собирались для торговли и литературныхъ состязаній, при чемъ лучшія поэтическія произведенія вышивались золотомъ и вѣшались въ Каабѣ. Такимъ образомъ Мекка являлась не только религіознымъ и торговымъ центромъ, но и центромъ просвѣщенія.

При встрѣчахъ другъ съ другомъ въ городахъ и въ пути въ мирные мѣсяцы, арабы имѣли и духовное общеніе, при чемъ, разумѣется, бесѣды велись преимущественно религіознаго содержанія. Должно сказать, что постепенное искаженіе первоначальнаго арабскаго монотеизма и переходъ его въ многобожіе былъ не по духу арабамъ, и они охотно прислушивались къ религіознымъ толкамъ, особенно моно-

теистическаго характера. Будучи въ душѣ независимыми, арабы были также вѣротерпимы и по отношенію къ другимъ. Этимъ объясняется, что въ Аравіи селится множество сектъ іудейскихъ и христіанскихъ и пользуется здѣсь полною свободою вѣроисповѣданія.

Да и сама Кааба заключала въ себѣ не только идоловъ арабскихъ народностей, но и статуи Пресвятой Дѣвы, Божественнаго Младенца и проч. Поэтому весьма естественно, что іудейство, христіанство и христіанскія секты не только не были изгоняемы изъ Аравіи, но охотно выслушивались арабами, и нѣкоторые изъ послѣднихъ принимали христіанство, іудейство и различныя ереси,—смотря по тому, кому что больше нравилось и больше было по душѣ; разумѣется, все это ложилось на почву прежней идолопоклонической религіи и представляло чрезвычайное смѣшеніе того и другого.

Воспріятіе всѣхъ этихъ ученій арабами было тѣмъ легче и есте-

ственнѣе, что въ основѣ какъ арабскаго вѣроученія, и всѣхъ разновидностей іудейскаго и христіанскаго вѣроученій лежало одно—вѣроученіе патріарховъ.

IV.

Наиболѣе симпатичными для арабовъ были тѣ вѣроученія, кои исповѣдывали единаго Бога,— тѣмъ болѣе эти вѣроученія годны были для воспріятія ихъ арабами, что и арабы были по существу монотеистами. Въ этомъ отношеніи особеннымъ расположеніемъ арабовъ пользовалась секта эссеевъ. Эта секта осуждала форму и жила истинною въ духѣ. Она признавала церковь, но не посѣщала ее, почитала библію, но не читала ее. Эссеи вели отшельническую жизнь, удалялись отъ суеты мірской и селились въ уединенныхъ мѣстахъ, небольшими общинами, нерѣдко имѣвшими общее имущество и обще дѣло. Строгая нравственность, доходившая до добровольнаго целибата, простая жизнь,

честный умѣренный трудъ, доставлявшій имъ необходимое, были ихъ отличительными чертами. Они никого не чуждались и никому не навязывались. Даже когда они пользовались библіей, то старались понимать ее не въ прямомъ, а въ переносномъ смыслѣ. Богъ посылаетъ «Духа своего» своимъ избраннымъ, которымъ можетъ быть каждый живущій строго нравственною жизнью. Молитва, постъ и милостыня— вотъ главныя средства для спасенія души. Въ этомъ отношеніи эссеи во многомъ походили на первыхъ христіанъ. Эссеи селились преимущественно по побережью Мраморнаго моря и оттуда мало передвигались.

Съ этими тихими, мирными и кроткими сектантами скоро слились христіанскіе сектанты, при чемъ ближе всего стояли къ нимъ эбіониты. Послѣдніе считали только себя истинными христіанами, такъ какъ Христосъ принесъ свое ученіе только для бѣдныхъ. Затѣмъ ученіе Христово приняли и богатые; но ставъ послѣдовате-

лями Христа, они отъ богатства не отказались и преслѣдовали свои мірскіе интересы. Посему Духъ Божій покинулъ богатыхъ и остался на эбіонитахъ или бѣднякахъ,—они одни были истинными христіанами.

Гонимые за свое ученіе, эбіониты охотно селились въ Аравіи, находили здѣсь пріютъ, находили здѣсь послѣдователей. Здѣсь они спасались отъ преслѣдованій правительствъ и господствующей церкви. Кромѣ этихъ сектъ, было много и другихъ, извѣстныхъ подъ общимъ именемъ сабіевъ, изъ которыхъ во времена Магомета особенно выдѣлялись рокузіи и ганифы.

Особенно сильное воздѣйствіе на арабовъ, а между ними и на будущаго пророка, оказывали эбіониты и эссеи. Эбіониты предлагали особенное ученіе объ откровеніи. Впервые божественное откровеніе было дано Адаму, но такъ какъ, передаваясь устно, оно скоро было искажено, то Богъ возстановлялъ его чрезъ избранныхъ мужей, въ лицѣ па-

тріарховъ и пророковъ, каковыми были: Авраамъ, Моисей, Давидъ, Христосъ и др. Впослѣдствіи мы увидимъ, что Магомету не разъ приходилось, для оправданія своихъ историческихъ ошибокъ, прибѣгать къ заявленію объ откровеніяхъ и поправкахъ въ оныхъ.

Еще ближе къ духовному состоянію арабовъ стояли эссеи. Они имѣли свои собственные свитки библіи, нѣсколько отличные отъ еврейскихъ,—но вѣдь свитки эссейскіе были открыты еще Аврааму. Самыя имена еврейскія въ этихъ свиткахъ были пригнаны къ языку и жизни арабовъ; такъ, Авраамъ назывался Ибрагимомъ, Ной—Нугомъ, Моисей—Музою, Ааронъ—Гаруномъ и проч. Видимо, эссеизмъ былъ близокъ арабамъ и многіе изъ нихъ являлись его послѣдователями.

Ближе-же всѣхъ къ арабскому міросозерцанію стояли ганифы, такъ какъ ихъ ученіе было самое простое и вмѣстѣ съ тѣмъ представляло чистѣйшее изложеніе

единобожія. Повидимому, люди, близкіе къ Магомету, были именно ганифами, какъ напр. Варакъ, Зеидъ и др.

Таково было религіозное состояніе арабовъ и жителей Аравійскаго полуострова къ тому времени, когда долженъ былъ явиться, по вѣроученію іудеевъ и іудействующихъ, пророкъ. А онъ долженъ былъ явиться и очистить вѣру бедуиновъ, ибо она представляла слишкомъ большое смѣшеніе—отъ грубаго идолопоклонства до чистѣйшаго христіанства. Арабы въ религіозномъ отношеніи были не удовлетворены. Болѣе умные и пытливые изъ нихъ искали истины,—менѣе развитые готовы были слѣдовать ей. Но эта новая религія должна быть ихъ религіей, религіей, подходящей къ ихъ простотѣ, неразвитости, бѣдности, несависимости, полной покорности высшему, недосягаемому и ихъ чувственности. Эта религія должна была исходить изъ ихъ существа, жизни и условій природы и бытія.

До сихъ поръ арабы почти во-

все не имѣли своей религіи. Была Кааба, были идолы. Для каждаго племени были свои кагины—пророки, которые пользовались особымъ благоволеніемъ боговъ, получали отъ нихъ откровенія и передавали ихъ людямъ. Кагины вели уединенную аскетическую жизнь, лечили болѣзни, считались людьми свѣдущими и мудрыми, давали совѣты и дѣлали предсказанія. Все это было слишкомъ просто и, видимо, не удовлетворяло духовной потребности номада. Потребность исправленной религіи сознавалась и чувствовалась, почему многіе изъ болѣе развитыхъ арабовъ искали истины, хотя не всегда и находили ее. Нужно было, чтобы эта истина была истина арабская. Явился арабъ, который позналъ эту истину, открылъ ее своимъ братьямъ и сталъ вполнѣ заслуженно ихъ пророкомъ и главою. Это былъ Магометъ.

V.

20 апрѣля 571 г. по Р. Х., въ Аравіи, въ Меккѣ, въ племени корейшитовъ, въ родѣ Гашимитовъ, у Абдулы Муталиба родился сынъ, Магометъ. Отецъ немного не дожилъ до рожденія сына. Онъ былъ въ пути съ караваномъ, въ Ятрибѣ, заболѣлъ и тамъ же умеръ. Не много онъ оставилъ своему сыну наслѣдства: пять верблюдовъ, козье стадо и рабыню. Говорятъ, что Магометъ происходилъ изъ знатнаго рода Касаи, возвратившаго своему племени власть надъ Меккою, а черезъ это до нѣкоторой степени и надъ всей Аравіей. Этому противорѣчитъ бѣдность родителя Магомета. Впрочемъ, много ли нужно арабу, чтобы стать счастливымъ и довольнымъ! Одинъ верблюдъ. А у отца Магомета

ихъ было пять, да еще стадо козъ...

Вслѣдствіе смерти отца, Магометъ остался на попеченіи у матери, и такъ какъ мать Магомета не отличалась особеннымъ здоровьемъ, то отдала сына на вскормленіе въ деревню, что дозволяли себѣ дѣлать только люди состоятельные. Къ дѣтскимъ годамъ Магомета относятъ событіе, не лишенное для насъ интереса. Когда мальчику было шесть лѣтъ, онъ однажды игралъ со сверстниками. Вдругъ явился архангелъ Гавріилъ, распоролъ Магомету грудь, очистилъ его внутренность, а затѣмъ оросилъ водою источника земъ-земъ — и все зажило. Перепуганныя дѣти убѣжали съ крикомъ: Магометъ убитъ, убитъ! Моментально бросилась туда няня, Халима, и нашла Магомета *распростертымъ на землѣ, въ судорогахъ и блѣднымъ какъ смерть.* Бытописатель лично видѣлъ рубецъ на груди Магомета отъ раны архангела Гавріила. Да и въ коранѣ говорится: «развѣ я не раскрылъ тебѣ

грудь»... Няня такъ испугалась этого случая, что немедленно отвезла Магомета матери. Тогда мать спросила: «развѣ ты боишься, что то былъ дьяволъ?»

Кормилица отвѣчала: «да».

— Не бойся. Это былъ Богъ. Когда я носила Магомета во чревѣ своемъ, то мое тѣло свѣтило настолько, что я видѣла дворцы въ Босга *).

По смерти матери, Магометъ, будучи еще мальчикомъ, поступилъ въ семью старшаго въ родѣ, дѣда Абдель-Муталиба. Говорятъ, Магометъ былъ любимцемъ и баловнемъ своего дѣда, который, однако, не долго пользовался счастіемъ присутствія внука. Дѣдъ скоро умеръ и Магометъ перешелъ къ слѣдующему старшинѣ рода, дядѣ Абу-Талибу. Видно, дѣйствительно, финансовыя дѣла Магомета были не слишкомъ блестящи, ибо ему пришлось заняться дѣломъ очень

---

*) Sprenger. Das Leben und die Lehre des Mohammed, 1861, B. I.

низкимъ, по возрѣніямъ того времени,—пасти стада.

Подросши, Магометъ сопровождалъ дядю, Абу-Талиба, съ его торговыми караванами, то въ качествѣ погонщика, то въ качествѣ работника, то въ качествѣ мелкаго прикащика. Случалось и такъ, что Магометъ ходилъ съ чужими караванами. При этомъ онъ видѣлъ много новаго. Встрѣчалъ новыхъ людей, бесѣдовалъ съ ними, прислушивался ко всему и жадно воспринималъ все, что его интересовало и соотвѣтствовало его душевному настроенію.

Будучи расторопнымъ, смышленнымъ, бойкимъ, умѣлымъ и опытнымъ въ торговыхъ дѣлахъ, Магометъ удачно велъ дѣла богатой вдовы Хадиджи, заслужилъ ея довѣріе, вниманіе и вскорѣ любовь. Товарищи называли Магомета al amin—человѣкъ правды и вѣрности,—правдивымъ во всемъ, что онъ говорилъ и что думалъ. Онъ молчалъ, когда нечего было говорить,—если же говорилъ, то умно, искренно и

всегда ясно освѣщалъ вопросъ.

Магометъ былъ средняго роста, довольно нѣжнаго сложенія, съ выразительнымъ лицомъ, окаймленнымъ густою черною бородою, съ большими, черными, выразительными глазами и очень обильнымъ количествомъ волосъ, ниспадающихъ на его плечи.

Магометъ и Хадиджи полюбили другъ друга и женились. Не дешево дался этотъ бракъ Магомету. Богатая семья Хадиджи дерзко и грубо приняла въ свой кругъ бѣднаго работника, и Магометъ долго еще жилъ у своей жены въ качествѣ управляющаго, а не владѣльца имущества. Несмотря на женитьбу, Магометъ продолжалъ караванныя путешествія. Недѣлями и мѣсяцами онъ оставался наединѣ съ собою, природой и невидимымъ Богомъ. Многое онъ за это время передумалъ, о многомъ поразмыслилъ. А на размышленіе его наводило также многое. Отправляясь съ товарами, Магометъ встрѣчался и съ іудеями, и христіанами, и съ іудействующими

и съ различными христіанскими сектантами. Вѣроученіе этихъ людей очень его интересовало—тогда какъ собственная религія его не удовлетворяла. Возвращался Магометъ домой—и здѣсь постоянно шла бесѣда о религіи. Люди, близкіе къ Хадиджѣ, ея родственники, Варакъ, Зеидъ и др., повидимому, были проникнуты идеями іудействующихъ и здѣсь нерѣдко читалась библія. Все это западало въ воспріимчивую душу Магомета и оставляло въ ней слѣдъ. А затѣмъ, опять оставаясь наединѣ, въ пути, онъ все это обдумывалъ, приводилъ въ порядокъ и создавалъ свою собственную систему,—систему, подходящую къ его, араба, характеру жизни, природѣ и прежнимъ возрѣніямъ. Эта система была у него смутною, не вполнѣ сформированною, но она зарождалась, развивалась и постепенно расширялась. Сколько разъ онъ останавливался на мысли о неправотѣ многобожія, идолопоклонства и прочее. Сколько разъ онъ мыслилъ о необходимости

просвѣтить и своихъ темныхъ соотечественниковъ. Видѣлъ онъ и то, что многіе изъ его близкихъ сознаютъ необходимость и потребность обновленія вѣроученія. Но гдѣ та вѣра, которая была бы наилучшей? Ни одна изъ готовыхъ формулъ религіи не удовлетворяла номада - бедуина. Христіанство было для него слишкомъ мягкимъ, сложнымъ и отвлеченнымъ, іудейство слишкомъ ограниченнымъ. Магометъ чувствовалъ необходимость обновленія и духовной переработки.

Преданія указываютъ много случаевъ близкихъ отношеній Магомета и къ христіанамъ, и къ іудеямъ, и къ различнымъ сектантамъ. Называли и имена его друзей. Такъ ли это было на дѣлѣ—кто знаетъ? Вѣрно то, что сношенія эти были, и Магометъ учился многому и научился многому. Но, воспринявъ это многое, онъ его усвоилъ, переработалъ и создалъ свое. Это *свое* не имѣло строгой цѣльности. Все, что у Магомета было, было только даръ Божій,—а образованіе

его было самое примитивное. Онъ едва умѣлъ читать и писать.

Вмѣстѣ съ этимъ въ своихъ путешествіяхъ Магометъ прислушивался и ко многому другому. Онъ наблюдалъ жизнь и нравы людей; изучалъ нужды и интересы страны, заводилъ знакомства и старался узнать, какъ свою родную страну, такъ и близь лежащія. Такъ провелъ Магометъ 15 лѣтъ въ супружествѣ съ Хадиджой, въ взаимной любви и въ заботахъ о дѣлахъ и дѣтяхъ. Большую часть года онъ проводилъ въ путешествіяхъ,—но наступалъ Рамазанъ и Магометъ отправлялся въ горы, гдѣ въ пещерѣ горы Хира и проводилъ время въ постѣ, молитвѣ и благочестивыхъ размышленіяхъ. Въ этотъ моментъ, вѣроятно, больше всего Магометъ занимался размышленіями о новомъ вѣроученіи.

Слишкомъ впечатлительный, крайне воспріимчивый и увлекающійся идеями вѣроученія, Магометъ, повидимому, былъ очень фанатиченъ въ исполненіи моле-

нія и постовъ и это ему даромъ не проходило. У Магомета начали появляться галлюцинаціи. Такъ, ему казалось, куда бы онъ не посмотрѣлъ, что передъ нимъ одинъ и тотъ же предметъ. Другой разъ онъ слышалъ голосъ, зовущій его: «Магометъ, Магометъ»! Магометъ оглядывался, присматривался въ ту сторону, откуда шелъ голосъ,—но ничего не видѣлъ. Еще иногда онъ слышалъ, какъ каждый камень говорилъ ему: «благо тебѣ посланникъ божій»! *).

Магометъ былъ человѣкъ мягкій, добрый, ласковый, кроткій и уступчивый. Его внѣшніе пріемы, манеры и рѣчи были необыкновенно привлекательны, проявляя уваженіе и любезность къ окружающимъ. Со всѣми онъ былъ одинаково ласковъ и доступенъ, сострадателенъ къ убогимъ и несчастнымъ, простъ и умѣренъ въ образѣ жизни, лично чинилъ себѣ одежду и обувь, большой

---

*) Ireland. The Blood and upon the brain, 1893.

другъ дѣтей. Его домашній обиходъ отличался крайней простотой: ячменный хлѣбъ и вода составляли его обычную пищу; случалось, что по цѣлымъ мѣсяцамъ на его очагѣ вовсе на разводили огня (Карлейль). При встрѣчѣ съ знакомыми, онъ всегда привѣтствовалъ ихъ, не ожидая отъ нихъ поклона; подавая руку, не отнималъ ее первый. Богатству большаго значенія не придавалъ, а имѣя его, помогалъ бѣднымъ. Таковы отзывы о характерѣ и личности Магомета. Много думавшій о новомъ вѣроученіи, онъ, въ силу природной застѣнчивости и боязливости, никогда не выступилъ-бы съ проповѣдью передъ цѣлымъ народомъ. Самое большое, чтобы онъ сдѣлалъ — это самъ исповѣдывалъ-бы свою новую вѣру; но онъ никогда не нашелъ-бы рѣшимости предстать передъ народомъ съ свидѣтельствомъ истины и начать открытую войну съ косностью и предразсудками. Во всякомъ случаѣ, это не былъ человѣкъ воинствующій и агрессивный и должно бы-

ло случиться нѣчто особенное, сверхъестественное побужденіе, чтобы заставить такого человѣка выйти изъ своей обычной колеи и начать дѣйствовать энергично, безбоязненно, открыто и даже вопреки желаніямъ большинства.

VI.

Когда Магомету было сорокъ лѣтъ, онъ имѣлъ первое божественное откровеніе, подѣйствовавшее на него крайне потрясающе и бросившее его роковымъ образомъ на служеніе Богу. Это было на Хирѣ, во время поста и молитвы. Магометъ усердно постился и проводилъ въ молитвѣ дни и ночи. Здѣсь онъ всецѣло былъ преданъ мысли о Богѣ и новой вѣрѣ:

— Вдругъ охватило меня какъ-бы во снѣ и напало смутное ощущеніе *). Кто-то приблизился ко мнѣ и сказалъ:

— Читай!

— Нѣтъ, не могу, — я ему отвѣчалъ.

Затѣмъ тотъ-же нѣкто сда-

*) Мюллеръ. Исторія ислама, 1895. с. 59.

вилъ меня такъ, что я думалъ, что умираю, и повторилъ слова:

— Читай!

И опять я отказался.

Снова меня сдавило и я услышалъ явственно:

— Читай! Во имя Господа твоего, творящаго и сотворившаго человѣка изъ кровинки,—читай! Господь твой всемилосердъ. Онъ даровалъ знанія посредствомъ пишущей тростинки. Онъ научилъ человѣка тому, чего онъ не зналъ.

Тогда я прочиталъ и видѣніе исчезло. Я проснулся. И было со мною такъ, какъ-бы сіи слова были начертаны въ моемъ сердцѣ.

Страшно потрясенный и крайне взволнованный, Магометъ прибѣжалъ къ Хадиджѣ, весь дрожа и прося, чтобы она прикрыла его.

— О, Хадиджа, что случилось со мною!

Магометъ передалъ обо всемъ происшедшемъ и прибавилъ: «я боюсь за себя». Тогда Хадиджа отвѣчала ему:

— Не бойся, будь бодръ. Ал-

лахъ никогда не сдѣлаетъ несчастнымъ. Милостью Аллаха, ты вѣренъ своей семьѣ, ты поступаешь по правдѣ, ты помогаешь въ нуждѣ, ты отзывчивъ на доброе, ты гостепріименъ къ страннику и помогаешь людямъ, впавшимъ въ несчастіе.

Затѣмъ Хадиджа послала за Варакомъ и передала ему о происшедшемъ. Варакъ, выслушавъ разсказъ, воскликнулъ:

— Эсли это такъ, то на Магомета сошелъ Нумосъ (духъ Божій), тотъ самый, который почилъ на Моисеѣ; теперь Магометъ пророкъ нашего народа... О, если-бы я дожилъ до того времени, когда люди будутъ преслѣдовать тебя...

— Неужели люди будутъ преслѣдовать и меня?—воскликнулъ Магометъ.

— Да, сказалъ Варакъ, — никогда не было, чтобы человѣкъ, принесшій то, что ты, не имѣлъ враговъ.

Все это такъ повліяло на Магомета, что онъ сразу посѣдѣлъ (Ireland) и долго не могъ успо-

коиться. Часто Магометъ бродилъ по скалистымъ пустынямъ и горамъ. Тоска, уныніе, страхъ и отчаяніе нападали на него. Были и такія мысли, что онъ не радъ былъ своей жизни и готовъ былъ покуситься на нее. Магометъ впадалъ въ сомнѣніе и не могъ рѣшить, какъ все это разгадать.

Но вотъ прошло нѣкоторое время. Магометъ имѣлъ второе откровеніе. На него снизошло свыше явленіе безъ словъ. Оно исполнило его сердце давно желаннымъ убѣжденіемъ. Одновременно съ этимъ онъ почувствовалъ головокруженіе. Потрясенный, какъ-бы въ лихорадкѣ, онъ спѣшитъ домой и проситъ Хадиджу: «Заверни меня... совершилось...». Затѣмъ онъ услышалъ слова!

— О, ты завернутый, встань! Зову тебя, истинно такъ... Господа Бога твоего, да, слава Его...одеждытвои,—очисти ихъ!... Господа Бога твоего чти неизмѣнно... (Мюллеръ).

Преданія говорятъ, что съ

этихъ поръ припадки повторялись, за ними слѣдовали откровенія. «Застигнутый пароксизмомъ, Магометъ падалъ въ изнеможеніи на землю; затѣмъ начинались судороги, глаза дико вращались, лицо становилось блѣднымъ и покрывалось пóтомъ. Это ангелъ посѣтилъ его, говорили вѣровавшіе въ него. И дѣйствительно, послѣ каждаго припадка, пророкъ возвѣщалъ новое откровеніе» (проф. М. Н. Петровъ) *). Въ то-же время, когда Магометъ получалъ откровенія, говоритъ Ireland,—онъ впадалъ въ коматозное состояніе, точно послѣ сильнаго опьяненія, блѣднѣлъ и губы его шевелились, будто онъ говорилъ... Однажды онъ упалъ такъ стремительно и сильно на колѣни Зеида, что тотъ опасался, какъ-бы Магометъ не сломалъ ему колѣнъ. По временамъ онъ издавалъ звукъ, похожій на крикъ молодого верблюда.

---

*) Проф. М. Н. Петровъ. Изъ всемірной исторіи очерки, 1882, с. 117.

Все это такъ повліяло на Магомета, что онъ нѣсколько измѣнился. Онъ сталъ менѣе дѣятельнымъ, мало занимался своими дѣлами, мало выѣзжалъ изъ Мекки. Онъ уединялся, избѣгалъ людей и много думалъ.

Что-же открывало ему божественное откровеніе и въ чемъ состояла новая вѣра Магомета?

Проповѣдь его была очень простая и вѣра его была очень не сложная и уже извѣстная многимъ живущимъ.

На свѣтѣ есть только одинъ Богъ—Аллахъ, Господь. Онъ сотворилъ міръ и его поддерживаетъ. Ему одному подобаетъ поклоняться и отречься отъ идолопочитанія. Магометъ его пророкъ. Ему поручено предостеречь людей и возвѣстить имъ, что наступитъ воскресеніе мертвыхъ и страшный судъ, на которомъ каждому воздастся по заслугамъ его. Кромѣ исповѣданія вѣры, главнѣйшія обязанности человѣка: молитва въ опредѣленные сроки, честное отношеніе къ

ближнему и милостыня бѣднымъ (Мюллеръ).

Все это истины, давно извѣстныя и подробнѣе изложенныя какъ въ христіанствѣ, такъ и въ іудействѣ. Да Магометъ и не выдавалъ ихъ за что нибудь новое. Онъ самъ заявляетъ, что его ученіе—ученіе первыхъ патріарховъ. Его вѣра—вѣра первыхъ патріарховъ. Его откровенія—откровенія первыхъ патріарховъ. То, что Господь открылъ Адаму, то-же онъ повторилъ и Ною, и Аврааму, и Моисею, то-же открываетъ онъ и ему—Магомету, ибо люди забыли Единаго Бога и уклонились отъ Его святыхъ завѣтовъ. И теперь Богъ напоминаетъ имъ черезъ своего избранника, его—Магомета.

Это ученіе сначала принято было очень немногими. Въ него увѣровали: Хадиджа, Али и рабъ Сеидъ. Оно имѣло много общаго съ ученіемъ ганифовъ, почему нѣкоторые изъ ганифовъ также присоединились къ Магомету и стали его послѣдователями.

Теперь Магометъ твердо убѣж-

денъ, что онъ является избранникомъ и посланникомъ Божіимъ. Эта сила убѣжденія и искренность вѣры въ себя и въ свое ученіе, какъ божественное ученіе, были причиною тому, что Магометъ—человѣкъ мягкій, нерѣшительный, конфузливый, и боязливый, выступилъ открыто, не боясь и не стѣсняясь, ибо онъ шелъ для Бога и по Божію велѣнію. Мало-по-малу Магометъ исповѣдывалъ свое ученіе, но на первое время у него послѣдователей было мало. Только людъ бѣдный и неимущій шелъ къ нему, да и то въ небольшомъ количествѣ.

Но прежде, чѣмъ окончательно выступить съ проповѣдью, Магометъ рѣшилъ повѣдать о томъ своему роду. Для этого онъ созвалъ всѣхъ гашимитовъ. Онъ пригласилъ ихъ на собраніе и объявилъ имъ объ откровеніи и посланничествѣ. Послѣдствія этого были очень печальны. Они ожидали какого-нибудь сообщенія о серьезномъ дѣлѣ, торговомъ предпріятіи, набѣгѣ и т. п.

Поэтому заявленіемъ Магомета всѣ они возмутились и пришли въ негодованіе. Одинъ изъ дядей, Абу-Лахабъ, не выдержалъ и закричалъ:

— О, чтобъ тебѣ удавиться! Такъ это ты за этимъ и созвалъ насъ!

Всѣ ушли смѣясь и бранясь. Сынъ Абу-Лахаба былъ сговоренъ съ дочерью Магомета, но послѣ этого непріятнаго происшествія дядя взялъ свое согласіе назадъ. Но красавица Рокайя не засидѣлась въ дѣвахъ. На ней скоро женился Османъ Ибн-Аффана изъ рода Омайядовъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ сталъ ярымъ приверженцемъ и защитникомъ ученія Магомета. Еще раньше послѣдователемъ Магомета сталъ знаменитый Абу-Бекръ.

Не смотря на такую неудачу въ своемъ родѣ, Магометъ не унывалъ. Родоначальникъ гашимитовъ, Абу-Талибъ, не былъ приверженцемъ ученія Магомета, но онъ и не ссорился съ Магометомъ, оставаясь по прежне-

му его защитникомъ и покровителемъ.

Такъ мало-по-малу подвигалась проповѣдь Магомета. Онъ нападалъ на идоловъ и проповѣдывалъ вѣру въ Единаго Бога.

Не смотря на то, что у Магомета послѣдователей было очень не много, его проповѣдь, однако, не нравилась очень многимъ и именно гражданамъ Мекки и Каабы. Главнымъ пунктомъ, противъ котораго возставалъ Магометъ, было многобожіе и идолопоклонство. Эта проповѣдь была рѣшительно противъ интересовъ корейшитовъ. Все ихъ богатство, власть и благополучіе зиждились на томъ, что Мекка служила центромъ всѣхъ боговъ Аравіи. Всѣ бедуины и жители осѣдлыхъ частей Аравіи смотрѣли на нее какъ на главный религіозный, а затѣмъ уже торговый и политическій пунктъ. Отнимите у Каабы идоловъ, перенесите ихъ въ другое мѣсто и всѣ бедуины направятся туда-же. Туда-же пойдутъ и караваны и богатства... Такимъ образомъ у

Мекки можетъ ускользнуть религіозная власть, а вмѣстѣ съ нею и торговое преобладаніе, и политическое и самое благосостояніе. Въ виду этого, Магометъ являлся нестолько врагомъ боговъ, сколько врагомъ и разбойникомъ для самихъ меккинцевъ; онъ велъ прямо къ разоренію и униженію самое племя и грозилъ ему близкой и серьезной гибелью.

Однако, нападать на Магомета сразу меккинцы не рѣшались. Прежде они обратились къ Абу-Талибу, какъ начальнику рода гишимитовъ, дабы тотъ повліялъ на Магомета. Абу-Талибъ позвалъ Магомета и началъ его уговаривать. Но не таковъ былъ Магометъ, чтобы его можно было отговорить отъ дѣла, которое онъ считалъ дѣломъ божіимъ и себя его исполнителемъ и проповѣдникомъ.

— Если-бы они давали мнѣ солнце въ правую руку и мѣсяцъ въ лѣвую — съ тѣмъ, чтобы я оставилъ это дѣло прежде, чѣмъ Богъ дастъ ему побѣду, или я погибну за него, то я не оста-

вилъ-бы его,—заявилъ Магометъ.

— Проповѣдуй все, что хочешь, сынъ брата моего; я ни за что никогда не покину тебя,—сказалъ Абу-Талибъ. Абу-Талибъ любилъ Магомета и никогда не позволилъ-бы обидѣть его.

Такимъ образомъ меккинцамъ не удалось отбить Магомета отъ рода и лишить его покровительства и защиты гашимитовъ; хотя родъ не вѣрилъ ученію Магомета и не признавалъ его призванія, тѣмъ не менѣе исконный долгъ лежалъ на родѣ защищать своего члена. Не желая вступать въ родовую борьбу съ гашимитами, меккинцы должны были принять свои мѣры противъ Магомета и его послѣдователей.

Прошло 10 лѣтъ проповѣди Магомета, а послѣдователей у него насчитывались всего только нѣсколько десятковъ, да и тѣ состояли изъ рабовъ и людей бѣдныхъ. Вотъ меккинцы и обрушились прежде всего на рабовъ. Господа этихъ несчастныхъ

начали ихъ тѣснить, обижать и дѣлать всевозможныя непріятности. Тогда Абу-Бекръ выкупилъ этихъ рабовъ и тѣмъ избавилъ ихъ отъ истязаній.

Меккинцы прибѣгали къ другой мѣрѣ: они отказались имѣть общеніе съ послѣдователями Магомета. Ихъ не допускали въ Каабу, не покупали у нихъ товаровъ, не продавали имъ предметовъ насущной необходимости, смѣялись надъ ними, издѣвались, да и самая жизнь ихъ не всегда была внѣ опастности. Тогда Магометъ поселился на окраинѣ Мекки, въ домѣ дяди своего Абу-Талиба, гдѣ также, для взаимопомощи, поселились и многіе изъ послѣдователей Магомета, остальная же часть его учениковъ бѣжала въ Абиссинію. Это было 615 г. по Р. Х. Корейшиты просили негуса Абиссиніи выслать послѣдователей Магомета, но тотъ не исполнилъ ихъ просьбы.

Однако, проповѣдь Магомета мало двигалась впередъ. Магометъ сознавалъ, что если онъ избранникъ божій, для пропо-

вѣди словъ Его, то должно-же найти какой-нибудь путь къ болѣе успѣшной дѣятельности. И вотъ онъ придумалъ пойти на уступку корейшитамъ. Магометъ рѣшилъ признать главнѣйшихъ боговъ Каабы. Въ самомъ дѣлѣ, на небѣ, кромѣ Единаго Бога, есть еще ангелы, святые и проч. Не будетъ большой бѣдой, если онъ за нѣкоторыми богами признаетъ кое-какое значеніе. Явившись въ Каабу, онъ открыто заявилъ, что онъ считаетъ Лата, Уззу и Манаха великими заступниками передъ Аллахомъ. Этимъ актомъ признанія Магометъ сразу примирился съ корейшитами и дѣло его поставлено было болѣе прочно. Его послѣдователи, бывшіе въ Абиссиніи, теперь свободно возвратились въ Мекку.

Но выигравъ этою уступкою въ одномъ отношеніи, Магометъ проигралъ въ двухъ отношеніяхъ: 1) его сторонники были огорчены, увидѣвъ допущеніе многобожія и идолопоклонства, что грозило отпаденіемъ его главныхъ союзниковъ и 2) собственная

совѣсть Магомета еще болѣе возмущала его и онъ рѣшился отречься отъ своего признанія идоловъ. Въ одинъ прекрасный день Магометъ явился въ Каабу и торжественно заявилъ: «Богъ одинъ въ себѣ самомъ завершенный,—онъ не родилъ и не родился и никогда не было на свѣтѣ существа, ему подобнаго».

Дѣла Магомета опять пошли худо. Несмотря на то, что число сторонниковъ его увеличилось, несмотря на то, что къ нему присоединились могущественные дѣятели, какъ Хамза, Абу-Бекръ и др.,—послѣдователей Магомета было все-таки довольно мало. Имъ пришлось искать защиты даже у своихъ враговъ. Самъ Магометъ нашелъ себѣ пристанище у враждебнаго рода махцумитовъ и спасался только ихъ силою. Въ эту пору присоединился къ послѣдователямъ Амаръ. Этотъ могущественный человѣкъ очень сильно поднялъ духъ послѣдователей Магомета. Они стали появляться на улицахъ, посѣщать Каабу и

даже публично проповѣдывать. Магометъ открыто нападалъ на правителей, обличалъ ихъ въ гордынѣ и доказывалъ ихъ ничтожество передъ Господомъ. Разумѣется, этотъ вызывающій тонъ не прошелъ даромъ для послѣдователей Магомета. Съ конца 617 года жители Мекки прекратили съ ними всѣ общественныя сношенія, отказали имъ въ правѣ брачныхъ союзовъ, исключили изъ участія въ караванной торговлѣ и, такимъ образомъ, объявили Магомета и его послѣдователей внѣ закона. Такое тягостное положеніе длилось два года. Дольше терпѣть его становилось невозможнымъ. Въ 619 г. послѣдователи Магомета вновь переселились въ Абиссинію.

Теперь на Магомета обрушились и другія несчастья. Умерла Хадиджа, его вѣрный другъ и мудрый совѣтникъ, умеръ старшина рода Абу-Талибъ, очень любившій Магомета и всегда защищавшій его. Проповѣдь въ Меккѣ, очевидно, оставалась безплодною. Нужно было подумать

о распространенiи ученiя внѣ Мекки. Магометъ отправился въ Таивъ, но тамъ его проповѣдь закончилась весьма неудачно. Магомета осмѣяли, избили и едва не убили. Только благодаря случаю, Магометъ остался живъ и бѣжалъ въ Мекку.

Но въ Меккѣ было не лучше. Своимъ ученiемъ онъ успѣлъ вооружить противъ себя идолопоклонниковъ, успѣлъ оттолкнуть и ганифовъ. Нашлись книжники, которые стали изобличать Магомета въ незнанiи писанiя и въ смѣшенiи откровенiй ганифскаго писанiя и персидскихъ преданiй. Напрасно Магометъ ссылался на то, что его ученiе то-же, что было открыто патрiархамъ: Адаму, Ною, Аврааму и др., и что его ученiе—самое вѣрное, потому что ему послѣдовало самое недавнее, неискаженное еще откровенiе... Всѣ его увѣренiя остались тщетными.

А тутъ еще вышло осложненiе со старѣйшиной рода. Вмѣсто умершаго Абу-Талиба, старшиной рода сталъ Абу-Лахабъ. Меж-

ду Абу-Лахабомъ и Магометомъ еще раньше вышла непріятность; но теперь Абу-Лахабъ, ставши начальникомъ рода, объявилъ Магомету, чтобы тотъ ничего не опасался и жилъ, какъ при Абу-Талибѣ, такъ-какъ онъ беретъ его подъ свое покровительство. Вскорѣ, однако, именитые люди успѣли поссорить Абу-Лахаба съ Магометомъ и Магометъ остался одинокимъ.

Магометъ палъ духомъ. Онъ сталъ терять вѣру въ успѣхъ своего дѣла,—терять вѣру въ себя. Магометъ началъ думать о томъ, чтобы перенести свою проповѣдь куда-либо, внѣ Мекки. Случай скоро тому поблагопріятствовалъ.

VII.

На праздничныя торжества у Каабы собирались арабы со всѣхъ мѣстъ Аравіи. Магометъ пользовался этимъ случаемъ распространять свое ученіе. Онъ ходилъ между прибывшими, высматривалъ, выслушивалъ и, если находилъ благопріятную почву, старался обратить въ свою вѣру. Такъ Магометъ набрелъ на кучку арабовъ изъ племени Хазраджъ. Это племя занимало первенствующее мѣсто въ Ятрибѣ. Племя Бену-Хазраджъ имѣло по сосѣдству нѣсколько еврейскихъ племенъ, съ которыми оно жило въ мірѣ и согласіи. Евреи, разумѣется, не преминули сообщить своимъ сосѣдямъ свѣдѣнія о своемъ вѣроученіи о Единомъ Богѣ и ожидаемомъ Мессіи. Хотя это ученіе къ арабамъ и не

привилось, тѣмъ не менѣе о немъ знали. Этихъ-то Хазраджцевъ теперь встрѣтилъ Магометъ, отвелъ ихъ въ сторону и повѣдалъ имъ свое ученіе. Ятрибцы поддались ученію. Они припоминали ученіе іудеевъ о пришествіи Мессіи и стали разсуждать между собою. «Не это-ли тотъ самый пророкъ, о которомъ сказывали намъ іудеи, что время его уже близко и что, когда онъ возстанетъ, они пойдутъ за нимъ и побьютъ всѣхъ враждебныхъ имъ арабовъ и истребятъ ихъ, какъ были истреблены въ древности невѣрныя племена Адъ и Ирамъ. Не лучше ли теперь намъ предупредить ихъ и первыми пристать къ пророку?»

Затѣмъ они обратились къ Магомету и сказали ему:

— Земляки наши самые сварливые и разрозненные изъ всѣхъ народовъ и потому мы уже хотѣли покинуть ихъ. Но вотъ, быть можетъ, истинный Богъ соединитъ насъ всѣхъ черезъ тебя. Поэтому мы вернемся въ городъ нашъ и положимъ дѣло твое

передъ глазами соплеменниковъ нашихъ и вложимъ въ уши ихъ вѣру, принятую отъ тебя. И если истинный Богъ въ соединеніи приведетъ ихъ къ тебѣ, не будетъ человѣка во всей землѣ сильнѣе тебя *).

Ятрибцевъ было шесть. Они обѣщали на будущій годъ, въ это же время, прибыть на это мѣсто.

Прошелъ годъ и ятрибцы явились, но уже увѣровавшихъ въ ученіе Магомета было 12. Они засвидѣтельствовали, что принимаютъ ученіе Магомета или *исламъ* и дали клятву не признавать другого Бога, кромѣ Единаго,—не воровать, не прелюбодѣйствовать, не умерщвлять своихъ дѣтей, не сочинять и не распространять клеветы и быть послушными посланнику Божію во всякомъ добромъ дѣлѣ.

На это Магометъ имъ сказалъ:

— Если вы это исполните, то рай навѣрно будетъ принадле-

---

*) *Вл. Соловьевъ.* Магометъ. 1896, с. 52.

жать вамъ; если-же согрѣшите, то отъ Бога зависитъ наказать васъ или помиловать.

Отпуская новообращенныхъ, Магометъ отрядилъ съ ними Мусаба, человѣка испытаннаго и преданнаго вѣрѣ и Магомету, дабы онъ наставлялъ ихъ въ коранѣ и общей молитвѣ.

«Вскорѣ послѣ этого Магометъ въ восхищеніи видѣлъ видѣніе. Невѣдомая сила, которую онъ признавалъ за архангела Гавріила, подняла его съ ложа и вывела изъ дому. Онъ увидѣлъ волшебнаго коня Эль-Борана (молнія) и, сѣвъ на него, въ одно мгновеніе очутился въ Іерусалимѣ, около дома молитвы. Здѣсь онъ нашелъ сонмъ пророковъ и среди нихъ Авраама, Моисея и Іисуса Христа. Онъ молился вмѣстѣ съ ними. Затѣмъ ему подносятъ три чаши: одну съ водою, другую съ виномъ и третью съ молокомъ. Онъ слышитъ чей-то голосъ, говорящій: если онъ возьметъ воду, то потонетъ вмѣстѣ съ общиной своей, если возьметъ вино, то будетъ блуждать съ общиной

своей, если возьметъ молоко, то пойдетъ правымъ путемъ съ общиной своей. Магометъ выбралъ чашу съ молокомъ. Послѣ того онъ проходитъ черезъ семь небесъ и достигаетъ лицезрѣнія Самого Бога, отъ котораго получаетъ для мусульманъ заповѣдь пятидесяти молитвъ. Но на обратномъ пути у воротъ каждаго неба онъ встрѣчалъ одного изъ великихъ пророковъ, который внушалъ ему, что мусульмане не вынесутъ такого большаго числа молитвъ и чтобы онъ просилъ Бога сократить ихъ. Такъ онъ и сдѣлалъ и, при выходѣ изъ послѣдняго неба, число молитвъ свелось къ тѣмъ пяти, которыя установлены въ коранѣ» (Вл. Соловьевъ). Прошелъ еще годъ. На праздникъ 622 года пришло уже 75 обращенныхъ въ исламъ. Къ нимъ явился Магометъ вмѣстѣ съ старшимъ въ родѣ—Абассомъ. Видя такое довѣріе къ своему ученію въ Ятрибѣ, Магометъ рѣшилъ переселиться въ Ятрибъ. Нужно, однако, чтобы новая семья Магомета приняла его по

обычаямъ страны, причемъ столь-же торжественно долженъ былъ сдать его й прежній родъ. Для этого-то и явился Магометъ съ Абассомъ.

Абассъ спросилъ отъ имени гашимитовъ и Муталиба, присутствующихъ изъ племени Хозраджа и Ауса — желаютъ-ли они принять къ себѣ Магомета, какъ своего родного. Ятрибцы изъявили полное согласіе. Абассъ объявилъ Магомета отпущеннымъ отъ племени и свободнымъ отъ обязательствъ по отношенію къ своему роду. Тогда Магометъ потребовалъ, чтобы ятрибцы поклялись, что они будутъ защищать его отъ всякой бѣды, даже съ оружіемъ въ рукахъ, какъ они защищаютъ своихъ женъ и дѣтей. Послѣ данной клятвы, Магометъ избралъ 12 мужей—9 изъ племени Хозраджей и 3 изъ Аусовъ—для завѣдыванія общиной и для дальнѣйшей проповѣди вѣроученія. Отпустивъ послѣдователей, Магометъ оставался еще въ Меккѣ. Вскорѣ послѣ этого въ Ятрибъ перебралось большин-

ство меккинскихъ послѣдователей Магомета, въ Меккѣ-же при Магометѣ остались только Абу-Бекръ и Али.

Любовь и преданность послѣдователей Магомета къ своему учителю и его ученію были необыкновенно трогательны. Какъ «мохаджиры», переселенцы изъ племени корейшитовъ, такъ и «ансары»—уроженцы Ятриба и другихъ племенъ, были преданы Магомету до фанатизма. Они терпѣли ради него гоненія и муки, покидали родину, имущество и семьи, были его тѣлохранителями и неустрашимѣйшими солдатами арміи. А тѣлохранители Магомету теперь были нужны.

Корейшиты довѣдались, что Магометъ желаетъ покинуть Мекку и перенести дѣятельность въ Ятрибъ. Это вовсе не было въ ихъ интересахъ; поэтому одиннадцать человѣкъ корейшитовъ дали клятву убить Магомета. Магомету предстояла двойная опасность: и въ Меккѣ его ожидала смерть и на пути въ Ятрибъ его ожидала смерть. Только благо-

даря Али и Абу-Бекру, Магомету удалось уйти изъ Мекки и благополучно прибыть въ Ятрибъ.

Это произошло въ 622 г. по Р. Х. Недалеко отъ Ятриба Магомета неожиданно встрѣтили какъ магаджиры, такъ и ансары. Магометъ вошелъ въ Ятрибъ, какъ въ свой родной городъ, и съ тѣхъ поръ этотъ городъ, въ честь пророка, сталъ называться Мединой. Годъ переселенія Магомета въ Медину считается первымъ годомъ магометанскаго лѣтосчисленія.

VIII.

Съ этого момента Магометъ становится не только проповѣдникомъ и пророкомъ, но и великимъ политикомъ. Трудно даже и сказать, въ чемъ больше проявился его геній.

Вскорѣ по прибытіи въ Ятрибъ или Медину, Магометъ далъ своимъ послѣдователямъ уставъ, которымъ магометане совершенно выдѣляются отъ арабскихъ идолопоклонниковъ и язычниковъ, и положилъ прочное религіозно-политическое основаніе новой религіи, новому народу — мусульманамъ или исламитамъ. На основаніи этого новаго закона, всѣ вѣрующіе, какъ корейшиты, такъ и хазраджиты и другія племена Ятриба, магаджары и ансары, составляютъ одинъ нераздѣленный

и равноправный народъ. Магометъ не дѣлитъ своихъ послѣдователей на племена, а теперь существуютъ только правовѣрные и невѣрные. Правовѣрные должны жить въ мирѣ, забыть вражду и раздоры и помогать другъ другу. Кровавая месть между племенами была уничтожена, а рѣшеніе споровъ и тяжбъ приносится на усмотрѣніе Бога и его пророка.

Правда, была группа людей, которые въ отношеніи къ правовѣрнымъ представляли нѣкоторое неудобство и затрудненіе: это тѣ жители Медины, которые не были послѣдователями Магомета, но и не враждовали съ нимъ. Кромѣ того, существовали еще люди, съ которыми Магомету по необходимости приходилось ладить. Они жили въ Ятрибѣ и около, въ значительномъ количествѣ. Съ ними приходилось считаться—и Магометъ считался. Въ своихъ указаніяхъ послѣдователямъ *киблы* онъ назначилъ ее не въ Меккѣ, а въ Іерусалимѣ. Киблою называется

мѣсто, куда правовѣрный во время молитвы долженъ былъ становиться лицемъ. И вотъ, желая подкупить іудеевъ, Магометъ принялъ ихъ пророковъ: Адама, Ноя, Авраама, Моисея и др., — киблою признанъ Іерусалимъ. Въ свою очередь и іудеи признали его пророкомъ, посланнымъ Богомъ для просвѣщенія язычниковъ подобно тому какъ Моисей былъ посланъ народу израильскому. Іудеи дали согласіе жить съ магометанами въ мирѣ, въ тяжебныхъ дѣлахъ между іудеями и магометанами принимать рѣшеніе Магомета, въ войнѣ—помогать деньгами.

Старался ладить Магометъ и съ христіанами и сектантами, представляя имъ тѣ или другія права и положеніе.

Вскорѣ послѣдователей Магомата стало очень много. Теперь онъ былъ не только провозвѣстникомъ слова божія, но и властителемъ и повелителемъ. Всякій, вступающій въ исламъ, становится добровольнымъ подданнымъ Магомета. Магометъ мало-

по-малу становился распорядителемъ всей Медины.

Почувствовавъ свою силу, Магометъ невольно проявилъ хищническій бедуинскій инстинктъ. Имѣя около себя приверженцевъ, считавшихся уже сотнями, людей безпредѣльно преданныхъ Богу и Магомету, Его пророку, Магометъ рѣшился совершить набѣгъ. Да и пора уже было объ этомъ подумать, потому что магаджары не имѣли никакихъ средствъ къ существованію. Пора было и Меккѣ показать, что Магометъ живъ и Магометъ сила. Посланы были развѣдчики, которые розыскали небольшой караванъ. Караванъ былъ разбитъ и добро разграблено. Правда, это была частица, только раззадорившая аппетитъ... Скверно было и то, что грабежъ былъ произведенъ въ священный мѣсяцъ. Но Магометъ и здѣсь нашелъ оправданіе: Богъ скорѣе проститъ грабежъ, нежели идолопоклонство, а потому грабежъ и нападеніе на идолопоклонниковъ позволительны и въ священные мѣсяцы. Страшно это

разозлило меккинцевъ, — но это было только началомъ сквернаго.

Вскорѣ Магомету донесли, что идетъ меккинскій караванъ съ огромнѣйшими богатствами, охраняемый 950 арабами, подъ предводительствомъ Абу - Сафіано, злѣйшаго врага Магомета. Магометъ не долго думалъ. Собралъ около трехсотъ всадниковъ изъ своихъ приверженцевъ и быстро напалъ на караванъ. Сраженіе было необыкновенно жаркое. Мусульмане проявили чудеса храбрости и всю силу мусульманскаго фанатизма. Охрана каравана была разбита и караванъ захваченъ. Магометане возвратились въ Медину съ богатствами и рабами.

Теперь Магометъ чувствовалъ за собою не только нравственную, но и физическую силу. Число его послѣдователей росло и ему нечего было заискивать у іудеевъ. Да что-то и не ладился съ ними союзъ; уже раньше между Магометомъ и іудеями вышли недоразумѣнія. Іудеи изобличали Магомета въ незнаніи ихъ священныхъ

преданій. На это Магометъ заявилъ, что не его ученіе не вѣрно, аіудейское, ибо библія есть только частица божественнаго ученія, а коранъ — цѣлое. Въ отместку же за дерзость іудеевъ, Магометъ отмѣнилъ киблу—Іерусалимъ и возстановилъ прежнюю Мекку. На то были у него и другіе разсчеты: требовалось возстановить значеніе Мекки, ибо онъ предвидѣлъ въ недалекомъ будущемъ тотъ моментъ, когда Мекка будетъ въ его рукахъ.

Теперь, почувствовавъ на своей сторонѣ и военную силу, Магометъ рѣшилъ посчитаться съ евреями. Благо ихъ племена жили врозь, какъ и племена арабскія. На этотъ разъ Магометъ напалъ на племя Бену-Кейнока. Еврейское племя было уничтожено и добыча мусульманъ была очень обильна. Вскорѣ и остальныя еврейскія племена были уничтожены.

Но мусульманамъ грозила другая бѣда. Меккинцы собрались отмстить мусульманамъ. Магомету донесли, что противъ него

идетъ цѣлая армія въ 10 тысячъ воиновъ подъ предводительствомъ Абу - Сафіано. При всемъ усиліи, Магометъ могъ противоставить 3 т. воиновъ. Битва окончилась очень печально для масульманъ. Самъ Магометъ былъ раненъ. Тѣмъ не менѣе меккинцы ограничились только разгромомъ мусульманъ и возвратились обратно домой, назначивъ черезъ годъ вновь помѣряться силами съ мусульманами.

Прошелъ годъ и Абу-Сафіано явился съ новыми силами. Магометъ и теперь не могъ разсчитывать на побѣду въ открытомъ полѣ и прибѣгъ къ новой военной тактикѣ — окопамъ рвами. Этотъ способъ защиты не былъ извѣстенъ бедуинамъ и не былъ благопріятенъ для нападающихъ, а потому, простоявъ достаточно долгое время съ войскомъ, Абу-Сафіано возвратился въ Мекку ни съ чѣмъ.

Теперь Магометъ занялся развитіемъ своихъ силъ и укрѣпленіемъ правовѣрныхъ. Черезъ два года онъ уже самъ призналъ

возможнымъ предпринять походъ на Мекку. Правда, дѣло и теперь до сраженія не дошло, но Магометъ былъ сила и съ нимъ меккинцы заключили перемиріе на десять лѣтъ.

Магометъ сознавалъ, однако, что еще не наступилъ моментъ покоренія послѣдняго сопротивленія Мекки. Нужно было еще увеличить и укрѣпить войско. Единство религіозное въ магометанствѣ влекло за собою одно весьма важное послѣдствіе—политическое объединеніе всѣхъ племенъ Аравіи. И вотъ Магометъ направляетъ свои дѣйствія на области центральной Аравіи—Неджида и Іемамы. Это была чистая и неприкосновенная страна бедуина. Нападая на отдаленныя племена, Магометъ присоединялъ ихъ къ себѣ, или истреблялъ. Успѣхъ покоряетъ слабыхъ и усиливаетъ сильныхъ. Удача Магомета привлекала къ нему хищниковъ изъ пустынныхъ степей. Силы Магомета росли. Побѣды давались легко. Область его владѣній расширялась.

Теперь можно было подумать и о Меккѣ. И Магометъ подумалъ. Въ началѣ весны 628 г. Магометъ видѣлъ сонъ, и сонъ тотъ вѣщалъ ему, что онъ совершитъ хожденіе въ Мекку и что ему переданы будутъ ключи Каабы. Объ этомъ снѣ Магометъ повѣдалъ своимъ правовѣрнымъ и приказалъ собираться въ походъ. Подъ знаменемъ пророка собралось болѣе 10 т. всадниковъ. Мекка о сопротивленіи не могла и мечтать. Купеческая Мекка сдалась. Абдуль-Азисъ, дядя пророка, и Абу-Сафіано первые приняли исламъ.

Послѣдовалъ торжественный въѣздъ Магомета въ священный городъ. Сидя на верблюдѣ, Магометъ семь разъ объѣхалъ Каабу и семь разъ прикоснулся посохомъ къ священному камню. Засимъ онъ вошелъ въ Каабу и торжественно объявилъ: нѣтъ Бога, кромѣ единаго Бога. Идоловъ не стало.

Итакъ, еще восемь лѣтъ назадъ Магометъ бѣжалъ изъ родного города, гонимый, позори-

мый и безпомощный, а нынѣ онъ смѣло могъ воскликнуть: О, Аллахъ, Аллахъ, ты исполнилъ свои обѣты, даровалъ рабу твоему побѣду и покорилъ язычниковъ! Ушедши жалкимъ проповѣдникомъ, Магометъ черезъ восемь только лѣтъ явился великимъ повелителемъ. Мекка была у ногъ его.

Теперь Магомету оставалось сдѣлать въ Аравіи немногое. Племя за племенемъ сдавалось почти безъ боя и скоро онъ сталъ обладателемъ всей Аравіи. Подъ его мощною рукою создалась могущественная всеарабская держава, которой суждено было покорить едва-ли не весь міръ. Карлейль *) былъ совершенно правъ, говоря: «великій человѣкъ является всегда точно молнія съ неба; остальные люди ожидаютъ его, подобно горючему веществу, и затѣмъ воспламеняются его пламенемъ». Пламя ислама разлилось рѣкою по всему міру... И въ Ма-

*) Карлейль. Герои и героическое въ исторіи, 1895.

гометѣ исполнилось пророчество, данное Измаилу: «и се благословивъ, его, и возращу его, и умножу его зѣло: дванадесять языки и дамъ его въ языкъ велій»...

Послѣ этой важнѣйшей побѣды Магометъ прожилъ не много. Передъ смертью ему удалось испытать величайшее счастье—видѣть вѣнецъ торжества своихъ прижизненныхъ дѣяній. Это было торжественное шествіе пророка въ Мекку изъ Медины на поклоненіе святынѣ. Шествіе сопровождалось несмѣтною толпою мослимовъ, собравшихся со всѣхъ областей Аравіи узрѣть и привѣтствовать своего пророка и повелителя правовѣрныхъ и принять участіе въ этомъ торжественномъ шествіи во главѣ съ повелителемъ. Магометъ совершилъ всѣ священные обряды. Со всею торжественностью онъ посѣтилъ священныя мѣста, исполнилъ всѣ требованія и принесъ жертвы. Строгимъ соблюденіемъ древнихъ обрядовъ Магометъ хотѣлъ ясно показать, что основанная имъ вѣра не есть

что-либо новое, а только лишь обновленное и очищенное арабское богопочитаніе. Это — таже религія праотца Авраама родоначальника аравійскихъ народовъ, строителя Каабы и учредителя меккинскаго паломничества.

Магометъ совершилъ великую историческую задачу. Онъ далъ своему народу такую вѣру въ Бога, которая наиболѣе соотвѣтствовала его природѣ, историческому развитію, преданіямъ и условіямъ жизни. Это поистинѣ была народная душа, оживотворенная вѣрою въ единаго Бога, творца всего и самого исповѣдника. Своимъ послѣднимъ путешествіемъ на поклоненіе въ Мекку Магометъ примирилъ свою вѣру съ историческими и мѣстными началами и, сходя въ могилу, онъ успѣлъ наложить на нее послѣднюю національную печать.

Магометъ умеръ 8-го іюня 632 г.; но его вѣра только начинала жить. Она росла, развивалась и покоряла міръ. И долго она будетъ еще жить, пока не

уступитъ вѣрѣ болѣе живой, мягкой, любящей, всепрощающей, освященной самопожертвованіемъ и всеобщимъ миромъ. Имяже Магомета не умретъ, пока будетъ жить мыслящій человѣкъ.

Умирая, Магометъ сказалъ: «Сражайтесь съ невѣрными, пока всякое противленіе исчезнетъ».

Но человѣкъ получилъ и другой завѣтъ: «обнажившій мечъ отъ меча погибнетъ». Тотъ же Богочеловѣкъ оставилъ намъ и другую заповѣдь: «Новую заповѣдь даю вамъ: любите другъ друга и большія любве никто же имать, да положитъ душу свою за други своя». Вотъ тотъ мечъ, который погубитъ «обнажившихъ мечъ».

IX.

Магометъ—плутъ, лгунъ, обманщикъ. Онъ измыслилъ видѣнія и откровенія для того, чтобы морочить людей и пользоваться ихъ легковѣріемъ. Онъ продѣлывалъ какіе-то экстазы, чтобы придать больше значенія своимъ выдумкамъ.

Магометъ — человѣкъ святой, стоявшій въ прямомъ общеніи съ Богомъ. Онъ имѣлъ божественныя видѣнія и божественныя откровенія, и это уже одно показываетъ, что онъ святой.

Вотъ двѣ крайности, которыя мы слышимъ о Магометѣ. По нашему мнѣнію, Магометъ былъ ни лгунъ, ни обманщикъ, ни святой. Видѣнія и откровенія его тутъ не причемъ. Эти видѣнія и откровенія Магомета—явленія самыя естественныя и даже не-

рѣдко встрѣчающіяся, встрѣчаемыя и имѣющія встрѣчаться.

Три прижизненныхъ явленія Магомета могутъ быть легко объяснены на основаніи современныхъ научныхъ данныхъ: его видѣнія, его припадки, его откровенія.

Видѣнія Магомета съ сообщеніемъ ему божественнаго ученія— это галлюцинаціи зрѣнія и слуха. Подъ именемъ галлюцинацій разумѣются ощущенія, возникающія въ нашемъ сознаніи не вслѣдствіе внѣшняго раздраженія дѣйствительно существующими предметами, какъ это бываетъ со всѣми обычными ощущеніями, а вслѣдствіе внутренняго самостоятельнаго раздраженія центра органа чувства, причемъ возникающее въ центрѣ органа ощущеніе относится во внѣшній міръ, какъ-бы предметъ при этомъ видѣлся въ дѣйствительности. Такъ, одинъ южный житель шелъ черезъ паркъ и увидѣлъ пасущихся ословъ; онъ хотѣлъ похлопать одного изъ нихъ по спинѣ и очень удивился, когда рука его

не встрѣтила ничего. Ослы эти явились снова передъ нимъ и онъ нѣсколько разъ дѣлалъ безполезную попытку тронуть ихъ (Griesinger). Одинъ эпилептикъ часто видѣлъ слѣдующее: на него нападала тьма, въ этой тьмѣ возникала игра красокъ, изъ которой выдѣлялся образъ старика. Этотъ старикъ былъ одѣтъ въ широкій плащъ, имѣлъ развѣвающіеся волосы и гулялъ по берегу моря. На морѣ плавала лодка, а въ лодкѣ сидѣлъ человѣкъ. Вся картина была окрашена въ яркокрасный цвѣтъ, за исключеніемъ старика, лодки и человѣка въ ней сидящаго (Hay).

Я могъ-бы привести безчисленное множество примѣровъ галлюцинацій, какъ изъ литературы, такъ изъ собственной практики, и всѣ они свидѣтельствовали-бы одно, что это ощущенія ложныя, не имѣющія во внѣшнемъ мірѣ для себя соотвѣтствующаго раздраженія и происходящія въ центрѣ органовъ чувствъ, или вслѣдствіе непосредственнаго раздраженія центра, или вслѣдствіе

возбужденія или импульса изъ области представленій. Всѣ эти ощущенія имѣютъ ту особенность, что они не представляютъ чего-либо новаго въ нашемъ сознаніи, а только лишь воспроизведеніе слѣдовъ прежде бывшихъ ощущеній. Правда, возникающія галлюцинаторныя ощущенія могутъ отличаться отъ дѣйствительныхъ,—онѣ могутъ представлять самыя причудливыя и невѣроятныя сочетанія различныхъ прежнихъ слѣдовъ ощущеній и потому давать сочетанія образовъ и звуковъ какъ-бы новыхъ и дотолѣ невидѣнныхъ и неслыханныхъ, но по существу элементы этихъ образовъ будутъ прежніе, ранѣе существовавшіе. Особенно мало отклоняются отъ дѣйствительности тѣ галлюцинаціи, которыя возникаютъ подъ вліяніемъ импульсовъ изъ области представленій. Обыкновенно при этомъ воспроизводятся тѣ образы, звуки и гармоніи, о которыхъ человѣкъ думаетъ, разсуждаетъ, которыя онъ психически переживаетъ. Тогда и самыя видоизмѣ-

ненія галлюцинаторныя являются отраженіемъ тѣхъ особенностей, которыя образуются въ области нашего мышленія. Въ этомъ случаѣ галлюцинаціи или субъективныя видѣнія и гармоніи возникаютъ какъ бы подъ вліяніемъ самовнушенія. Мысли и мечты человѣка воплощаются въ образахъ и гармоніи. Но такъ какъ человѣкъ можетъ мыслить только тѣмъ матеріаломъ, который онъ воспринялъ изъ внѣшняго міра, то и воспроизводить онъ ихъ можетъ только въ образахъ внѣшняго міра, придавая имъ тотъ или другой оттѣнокъ сознательно или безсознательно, какой складывается въ данный моментъ въ нашемъ мышленіи.

Все вышесказанное не означаетъ, однако, того, что человѣкъ по произволу можетъ создать галлюцинаціи. По произволу человѣкъ можетъ создавать образы воображенія и фантазіи; эти образы могутъ быть очень живы, ярки и рельефны, какъ напр. у художниковъ и композиторовъ,— но эти образы отличаются отъ

галлюцинацій, какъ по происхожденію, такъ и по проявленію.

По проявленію отличаются образы воображенія отъ галлюцинацій тѣмъ, что галлюцинаторные образы гораздо рельефнѣе и отчетливѣе образовъ фантазіи и воображенія. Далѣе образы галлюцинацій возникаютъ безъ всякаго усилія и напряженія съ нашей стороны, тогда какъ образы воображенія и фантазіи требуютъ съ нашей стороны значительной затраты личной энергіи.

Наконецъ, между ними существуетъ слишкомъ серьезная разница и въ происхожденіи: образы фантазіи и воображенія возникаютъ по нашему произволу,— они являются тогда, когда мы хотимъ,—и исчезаютъ по мановенію нашего желанія; образы галлюцинацій являются непроизвольно, безъ нашего вѣдома, часто противъ нашего желанія,— существуютъ сколько хотятъ и исчезаютъ когда хотятъ. Словомъ, это проявленіе нашей жизни совершенно непроизвольное и не подчиняющееся ни нашему хо-

тѣнію, ни нашему рѣшенію. Въ галлюцинаціяхъ могутъ отражаться образы нашей фантазіи и воображенія, но столь-же не произвольно, какъ при проявленіи негатива отражается образъ дѣйствительнаго предмета. Въ этомъ случаѣ центръ органа чувства является негативомъ какъ предметовъ внѣшняго міра, такъ и предметовъ нашей фантазіи и воображенія. Проявленіе же этихъ отраженій отличается тѣмъ, что въ нормальномъ ощущеніи оно проявляется по нашей волѣ и желанію, въ галлюцинаціи-же по какимъ-то внутреннимъ—анатомическимъ, или химическимъ, или моллекулярнымъ, неизвѣстнымъ намъ, условіямъ жизни органа чувства.

Для насъ важно то, что содержаніе галлюцинацій можетъ зависѣть отъ содержанія нашего міровоззрѣнія, но появленіе и возникновеніе галлюцинацій стоитъ внѣ нашей воли и составляетъ болѣзненное состояніе центровъ органовъ чувствъ.

Причиною галлюцинацій служатъ всѣ обстоятельства, ставя-

щія центры органовъ чувствъ въ неправильныя условія существованія: усиленный притокъ крови, малокровіе, измѣненія сосудовъ, питающихъ органы чувствъ, измѣненія самого существа мозга, новообразованія и другіе болѣзненные процессы,—крайняя возбудимость органовъ чувствъ, измѣненія состава крови занесеніемъ ядовитыхъ веществъ—отравленія и самоотравленія и проч. Жизненныя условія, вліяющія вызывающимъ образомъ на галлюцинаціи, будутъ: умственное и физическое переутомленіе, болѣзни, связанныя съ высокой температурой, и заразныя болѣзни, истощеніе организма, усиленное моленіе, продолжительные строгіе посты, рѣзкіе переходы въ тропическій жаръ и полярный холодъ, общее настроеніе человѣка, жизненныя событія, политическія и религіозныя движенія, фанатизмъ и проч.

Спрашивается: будетъ-ли галлюцинантъ душевно-больной, или душевно здоровый человѣкъ? Принято считать—пока человѣкъ

способенъ давать себѣ отчетъ въ томъ, что его галлюцинаціи обманы чувствъ, болѣзненныя явленія и онъ исправляетъ данную ошибку прежнимъ опытомъ и другими органами чувствъ, до тѣхъ поръ онъ здоровый человѣкъ, когда-же человѣкъ не можетъ уже понимать обманъ воспріятія и принимаетъ эти ложныя ощущенія за дѣйствительныя,—онъ сталъ душевно-больнымъ. Но изъ этого общаго положенія должно сдѣлать значительныя исключенія. Прежде всего есть много душевно-больныхъ, которые вполнѣ сознаютъ болѣзненность своихъ галлюцинацій, открыто заявляютъ объ этомъ и просятъ указать имъ мѣры для избавленія отъ ихъ назойливаго болѣзненнаго состоянія. Во-вторыхъ, есть и душевно-здоровые люди, которые вѣрятъ въ истину ихъ ложныхъ ощущеній, принимаютъ ихъ за дѣйствительныя и поступаютъ соотвѣтственно ихъ галлюцинаціямъ.

Послѣднее явленіе часто наблюдается у людей простыхъ, не-

вѣжественныхъ необразованныхъ и суевѣрныхъ. Не имѣя понятія о возможности происхожденія этихъ явленій вслѣдствіе болѣзни, они логическимъ признаніемъ принимаютъ ихъ за дѣйствительность. Особенно много этому благопріятствуетъ невѣжество, суевѣріе, убѣжденія больного въ возможности даннаго явленія, политическое и религіозное теченіе, фанатизмъ и настроеніе окружающей среды.

Всѣ эти жизненныя обстоятельства могутъ вліять не только на отдѣльное лицо, но и на цѣлыя массы, возбуждая массовыя галлюцинаціи. Такъ, во время франко-прусской войны, одинъ сапожникъ Страсбурга, смотря въ шибку своего окна, видѣлъ дерущихся и сражающихся французовъ и нѣмцевъ въ то время, когда у Страсбурга не было ни тѣхъ, ни другихъ. Цѣлые полки нападали одинъ на другой. Кровь лилась всюду. Это сапожника страшно поразило и онъ сказалъ о видѣніи другому лицу. Другое лицо тоже увидѣло сцену сраженія,

но именно только въ одну, извѣстную, шибку окна,—а въ другія нѣтъ. Тоже сраженіе въ данную шибку видѣли сотни и тысячи лицъ... Verga *) передаетъ слѣдующій случай. Въ деревнѣ Carano, расположенной въ итальянскихъ Аппенинахъ, съ народонаселеніемъ невѣжественнымъ, очень религіознымъ и фанатичнымъ, одна женщина нахолмѣ увидала Мадонну—Мадонну, одѣтую въ черное платье, плачущую, окровавленную и съ грозною рѣчью на устахъ къ народу. Женщина была поражена и поспѣшила сообщить объ этомъ сосѣдкамъ. Населеніе всполошилось. Десятки, сотни и тысячи людей потянулись къ холму и видѣли Мадонну. Пошли цѣлыя процессіи съ пѣніемъ духовныхъ пѣсенъ и церемоніями. Духовенство пользовалось случаемъ. Только экстренныя военно - полицейскія мѣры уничтожили сборища и прекратили существованіе массо-

*) Verga. Archivio italiano per les malatie mental., 1886.

вой галлюцинаціи. Это было всего только 10 лѣтъ назадъ.

Все это намъ показываетъ, что данное религіозное и политическое настроеніе, суевѣрія и событія дня даннаго общества могутъ вызывать не только у отдѣльныхъ лицъ, но и у цѣлыхъ народныхъ массъ галлюцинаціи. Но, разумѣется, всѣ эти условія въ возникновеніи галлюцинацій играютъ второстепенную роль и вызываютъ галлюцинаціи въ такомъ только случаѣ, если органы чувствъ къ тому подготовлены. При такихъ обстоятельствахъ, люди, не будучи душевно-больными, могутъ вѣрить въ дѣйствительность галлюцинацій и исполнять всѣ требованія и приказанія ихъ.

Обращаясь къ Магомету, мы видимъ, что онъ имѣлъ видѣнія и слышалъ голосъ, поучающій, наставляющій и повелѣвающій. Несомнѣнно, это были галлюцинаціи зрѣнія и слуха. Преданный всей душой Богу, живущій мыслями только о Богѣ, проводящій всю жизнь въ размышленіи, Ма-

гометъ, весьма естественно, имѣлъ и соотвѣтственныя тому галлюцинаціи. Ему являлись архангелы Гавріилъ и Михаилъ и приказывали именемъ Божіимъ. Ангелъ передавалъ приказанія о томъ, о чемъ Магометъ самъ постоянно думалъ—о дѣлахъ вѣры и почитаніи Бога. Въ силу своихъ убѣжденій, Магометъ считалъ вполнѣ возможнымъ появленіе такихъ посланниковъ Божіихъ. Такіе ангелы являлись-же патріархамъ и передавали имъ повелѣнія Бога. Нынѣ жители Аравіи нуждались въ обновленіи религіи и потому, естественно, Богъ могъ послать своего ангела вѣстникомъ вѣры и богопочитанія. А такъ какъ онъ, Магометъ, особенно много думалъ о новомъ богопочитаніи, то почему-же не послать этого вѣстника именно къ нему, Магомету.

Такимъ образомъ у Магомета были галлюцинаціи зрѣнія, слуха и осязанія и, по своему воспитанію и убѣжденіямъ, Магометъ не только принялъ, но не могъ не принять, долженъ былъ при-

нять эти галлюцинаціи за дѣйствительность, увѣровать въ нихъ и исповѣдывать ихъ ученіе.

Возникновеніе такихъ галлюцинацій у Магомета было вполнѣ возможно. Въ то время Магометъ былъ на Хирѣ. Это былъ мѣсяцъ молитвъ и покаянія. Магометъ постился и молился дни и ночи. Все это привело его въ истощеніе, что вполнѣ способствуетъ появленію галлюцинацій; а постоянное сосредоточеніе на религіозномъ мышленіи дало и обликъ галлюцинаціямъ и содержаніе ихъ рѣчей.

Такимъ образомъ религіозныя размышленія, частыя бесѣды съ іудеями и христіанами, сознаніе необходимости религіознаго обновленія для арабовъ, постоянное пребываніе въ картинахъ и образахъ фантазіи о сообщеніи Богомъ вѣроученія,—продолжительныя, утомительныя молитвы, не менѣе утомительное бдѣніе и истощающіе посты могли породить галлюцинаціи и именно извѣстнаго содержанія—религіозныя галлюцинаціи; а эти религіозныя галлюцинаціи, въ свою очередь, должны были закрѣпить въ Магометѣ вѣру въ свое посланничество и небесное назначеніе.

Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что дѣлалъ Магометъ. Его вѣра въ видѣніе и откровеніе была искренняя вѣра, его убѣжденія въ своемъ избраніи были искренними убѣжденіями и его проповѣдь была чистая и искренняя проповѣдь.

Видѣнія и откровенія Магомета являются не логическимъ актомъ, образовавшимся на основаніи мышленія, а органическимъ, явившимся самостоятельно въ центрахъ его органовъ чувствъ. Если логическое мышленіе путемъ новыхъ доводовъ можетъ быть поколеблено, сдвинуто и разрушено, то въ данномъ случаѣ у Магомета на помощь мышленію явились органическія отправленія органовъ чувствъ, неустранимыя ни мышленіемъ, ни соображеніями. А такъ какъ эти органическія отправленія вполнѣ совпадали съ убѣжденіями и со-

держаніемъ мышленія, то его убѣжденія суммировались и пріобрѣтали значеніе непоколеблемаго патологическаго убѣжденія, когда человѣкъ отдаетъ свою жизнь и идетъ на всѣ возможныя истязанія и мученія мужественно и непоколебимо.

Въ данномъ случаѣ было все за Магомета: и среда, и обстановка, и вѣяніе времени, и общественныя теченія, и его личное мышленіе и убѣжденіе и болѣзненное состояніе органовъ чувствъ. Поэтому говорить о какой-либо лжи, выдумкѣ и обманѣ со стороны Магомета нѣтъ никакого основанія, ибо всѣ дѣянія Магомета находятъ себѣ полное оправданіе въ его болѣзненныхъ явленіяхъ, которыя у него несомнѣнно существовали.

Но и этого еще мало.

X.

Магометъ страдалъ какими-то припадками. Онъ терялъ сознаніе, падалъ въ судорогахъ, лицо становилось блѣднымъ, на лбу выступалъ потъ, припадокъ сопровождался дикимъ крикомъ, послѣ припадка на него нападалъ какой-то экстазъ. Иногда состояніе экстаза съ видѣніями и откровеніями наступало послѣ головокруженія. Эти припадки имѣютъ особенно важное значеніе, такъ какъ съ ними тѣсно связано самое откровеніе.

Подобные припадки въ наукѣ извѣстны уже очень давно и относятся къ болѣзненному состоянію, извѣстному подъ именемъ эпилепсіи.

Эпилепсія—такое болѣзненное состояніе, которое выражается припадками, длящимися нѣсколь-

ко минутъ, съ промежутками здороваго состоянія отъ нѣсколько дней до нѣсколько лѣтъ.

Болѣзнь эта присуща дѣтскому и юношескому возрасту. Чаще всего она является въ возрастѣ отъ 5 до 15 лѣтъ,—рѣже къ 16—20 годамъ, и еще рѣже—позже. Бываютъ и такіе случаи, когда болѣзнь, пробывъ нѣкоторое время въ дѣтствѣ, затѣмъ прекращается; а въ зрѣломъ возрастѣ, при неблагопріятныхъ жизненныхъ условіяхъ, возвращается вновь.

Припадки эпилепсіи длятся отъ 2 до 5 минутъ и рѣже 10—20 минутъ. При всемъ томъ, въ теченіе даже этого кратковременнаго припадка, различаютъ три періода: періодъ предвѣстниковъ, судорожный періодъ и послѣэпилептическое состояніе. Періодъ предвѣстниковъ длится недолго, нѣсколько секундъ—минутъ. Въ большинствѣ случаевъ онъ состоитъ изъ галлюцинаціи органовъ зрѣнія, слуха, осязанія и проч. Очень часто эти больные имѣютъ видѣнія, слышатъ голоса,

ощущаютъ по тѣлу какъ-бы восхожденіе вѣтерка. По послѣднему ощущенію—вѣтерка (aura) и самый періодъ предвѣстниковъ принято называть *авра*, хотя-бы больной и не ощущалъ этой галлюцинаціи осязанія.

Какова-бы ни была авра, она столь слаба сравнительно съ самой картиной припадка, что въ большинствѣ случаевъ просматривается, и припадокъ наступаетъ какъ-бы внезапно. Больной съ дикимъ нечеловѣческимъ крикомъ падаетъ на землю, причемъ во всемъ тѣлѣ появляются судороги. Лицо становится блѣднымъ, багровымъ или краснымъ, глаза скошены, на лбу и тѣлѣ выступаетъ потъ; человѣкъ теряетъ сознаніе и остается нечувствительнымъ ко всему окружающему. Такъ длится припадокъ 3—4 минуты. Затѣмъ все стихаетъ, больной впадаетъ въ изнеможеніе и сноподобное состояніе. Проходитъ еще нѣсколько минутъ, и человѣкъ опять въ себѣ. Сначала припадки появляются изрѣдка, разъ въ

годъ, затѣмъ все чаще и чаще и, наконецъ, почти ежедневно.

По мѣрѣ учащенія припадковъ, они становятся слабѣе и короче; но у большинства людей они отражаются на умственныхъ способностяхъ, низводя людей, по истеченіи 15—20 лѣтъ часто появляющихся припадковъ, къ ослабленію умственныхъ способностей. Это наиболѣе частая форма болѣзни. Но существуютъ и другія формы эпилепсіи.

Эпилепсію дѣлятъ на тѣлесную и душевную. Тѣлесная—это та форма, когда во время припадка поражается только организмъ, душевная-же жизнь выводится изъ круга дѣятельности, что выражается безсознательнымъ состояніемъ; душевная эпилепсія состоитъ въ томъ, что во время припадка къ явленіямъ тѣлесной эпилепсіи присоединяются болѣзненныя проявленія въ душевной области въ видѣ бреда, экстаза, сумеречнаго состоянія и проч.

Тѣлесная эпилепсія дѣлится на два отдѣла: большую эпилепсію или судорожную, картину которой я до нѣкоторой степени

уже представилъ,—и малую эпилепсію, состоящую въ головокруженіи и потерѣ сознанія, длящейся отъ нѣсколькихъ секундъ до нѣсколькихъ минутъ (1—2).

Какъ большая, такъ и малая эпилепсія могутъ сопровождаться душевной эпилепсіей; но могутъ быть и въ огромномъ большинствѣ случаевъ бываютъ безъ душевной эпилепсіи.

Самый чистый видъ душевной эпилепсіи—это эпилептическое буйство. Длится оно очень недолго, отъ нѣсколькихъ минутъ до нѣсколькихъ часовъ, но за то представляетъ страшную и ужасную картину разрушенія. Больные переживаютъ ужасающія, потрясающія галлюцинаціи и такой-же бредъ и подъ вліяніемъ ихъ совершаютъ страшныя преступленія, звѣрскимъ образомъ убивая самыхъ близкихъ и дорогихъ людей,—или людей невинныхъ, совершенно не знакомыхъ, случайно попавшихся имъ подъ руку. О Геркулесѣ передаютъ слѣдующее: однажды онъ совершалъ жертвоприношеніе Юпитеру. Въ

это время глаза его перекосились и налились кровью; по бородѣ потекла пѣна, на лицѣ явилось судорожное перекашиваніе. Онъ началъ раздѣваться и производилъ движенія, какъ-бы онъ съ кѣмъ-нибудь дрался. Послѣ этого Геркулесъ стихъ, и думали, что онъ успокоился; однако онъ схватилъ оружіе и бросился на отца, жену и дѣтей; жену и дѣтей убилъ, отца же, если не убилъ, то только потому, что ему помѣшали. Послѣ этого онъ упалъ и заснулъ.

Если разсказъ Эврипида и Сенеки вѣренъ, то это ужаснѣйшее буйство Геркулеса можетъ служить прекраснѣйшимъ примѣромъ эпилептичаскаго буйства.

Душевная эпилепсія можетъ проявлятся передъ припадкомъ судороги, или головокруженія, какъ-бы вмѣсто эпилептической авры,—или послѣ судорогъ, или головокруженія — въ послѣ-эпилептическомъ состояніи, или замѣняя его,—или судороги могутъ быть среди буйства.

Но кромѣ этой формы душев-

ной эпилепсіи, она можетъ проявляться весьма разнообразно: въ видѣ грандіозныхъ галлюцинацій, автоматическихъ дѣйствій, сноподобнаго состоянія, экстаза и т. п.

Въ числѣ другихъ проявленій душевныхъ уклоненій нерѣдко наблюдается болѣзненная эпилептическая религіозность. Эта религіозность проявляется какъ въ эпилептическихъ припадкахъ, такъ и въ промежуткахъ между ними въ обычной жизни.

Вопросъ о болѣзненной религіозности эпилептиковъ давно интересовалъ науку, и въ ней набралось уже достаточное число работъ. Таковы въ этомъ направленіи изслѣдованія: Pivion *), Raab †), Toselli §), Skay *), How-

*) Pivion. Etude sur les troubles de l'intelligence... chez les epileptiques, 1876.

†) Raab. Ueber chronisch. Wahnsinn nach epileptisch. Geistestörung, Wien. med. Wochenshir., 1883, 36 и 37.

§) Toselli. Sulla religiosita degli epilettici, Archiv italiano per les malat. nerves., 1879.

*) Skay. The Journal of mental science, 1873.

den'a †), Norbury **) и др. Замѣчено уже давно, что болѣзненная религіозность сильно развита бываетъ у людей, расположенныхъ къ судорожности, и особенно у эпилептиковъ. Pivion говоритъ, что если-бы тщательно пересмотрѣть процессы средневѣковыхъ конвульсіонеровъ, то у многихъ изъ нихъ мы моглибы найти эпилепсію.

Loeb и Raab указываютъ на то, что эпилептики нерѣдко имѣютъ галлюцинаціи религіознаго содержанія и приводятъ тому примѣры. Больные видятъ Бога, Матерь Божію, ангеловъ, святыхъ и проч.,—ведутъ съ ними рѣчи, получаютъ приказанія и т. д. Эти галлюцинаціи могутъ появляться то въ послѣэпилептическомъ состояніи, то взамѣнъ приступа, въ видѣ его эквивалента.

Гораздо однако сложнѣе и интереснѣй проявленіе религіознаго экстаза. Больные находятся какъ-бы въ сонномъ состояніи.

†) Howden. The Journl of mental sience. 1873.

**) Norbury. Epilepsie. Medical age. 1891.

Является масса галлюцинацій, особенно зрительныхъ и слуховыхъ. Все это постепенно мѣняется и различно сочетается. Галлюцинаціи смѣшиваются съ бредомъ. Больной входитъ въ общеніе съ Богомъ, Іисусомъ Христомъ и проч., ведетъ рѣчи, испытываетъ особенное блаженство и особенное счастье. Все окружающее они сознаютъ, но въ совершенно извращенномъ видѣ. Все это смѣшивается съ ихъ видѣніями и составляетъ хаотическое цѣлое. Являются галлюцинаціи общаго чувства: больнымъ кажется, что они возносятся на небо, находятся въ раю, проходятъ небеса, присутствуютъ при страшномъ судѣ, изслѣдуютъ адъ и т. п. Toselli по этому поводу говоритъ слѣдующее: «религіозный бредъ и молитвенная экзальтація, являясь послѣ припадка, настолько характерны, что уже по одному религіозному бреду можно поставить діагнозъ эпилепсіи. Болѣе часто это состояніе при неполныхъ формахъ эпилепсіи, —

въ классическихъ-же формахъ эпилепсіи судорожный припадокъ часто замѣняется приступомъ маніи съ религіознымъ бредомъ. Она развивается послѣ короткаго періода меланхолической подавленности, быстро достигаетъ высшаго напряженія, продолжается 1—7 часовъ, а затѣмъ переходитъ въ состояніе утомленія, разбитости и подавленности. Память относится различно къ этому приступу: она отсутствуетъ только въ рѣдкихъ случаяхъ, когда припадокъ душевнаго возбужденія начался еще во время общихъ судорогъ, — и всегда бываетъ сохраненной, если судорожныя явленія не охватываютъ всего организма, или-же слишкомъ кратковременны. При этомъ больные вспоминаютъ всѣ особенности бреда, пережитыя иллюзіи, ошибки сужденія и опасныя попытки. Воспоминаніе возвращается не сразу, а постепенно,—иногда подъ вліяніемъ разумно поставленныхъ вопросовъ. Религіозно-эпилептическій бредъ представляется очень раз-

нообразнымъ въ теченіи короткаго времени и всегда сохраняетъ характеръ чувственнаго бреда. Въ разстройствѣ мышленія иллюзіи и галлюцинаціи играютъ очень большую роль,—фиксированныя идеи и мономаніи отсутствуютъ. Во время припадка нѣкоторые больные получаютъ повелѣнія отъ Бога, чувствуютъ, что у нихъ является пророческій или реформаторскій духъ, слышатъ приказанія, побуждающія ихъ къ актамъ неслыханной жестокости, называютъ себя сынами божіими. У многихъ наблюдаются иллюзіи мускульнаго чувства и больные испытываютъ, какъ они отдѣляются отъ земли, несутся на небо, гдѣ созерцаютъ различныя чудесныя видѣнія. Другіе жалуются на уколы, ушибы и мученія, включительно до страданій Христа на крестѣ».

«Религіозная экзальтація замѣняетъ иногда и приступъ малой «эпилепсіи».

«Религіозное чувство можетъ быть усилено не только сейчасъ послѣ припадковъ, но и въ про-

межуткахъ между ними. Въ заведеніяхъ для душевно-больныхъ эпилептики часто отличаются набожностью и усердіемъ къ религіознымъ обрядамъ и молитвѣ, что часто стоитъ въ противорѣчіи съ ихъ нравственностью... Религіозность эпилептическая не всегда выражается одинаково и иногда замѣняется экстазомъ и религіознымъ бредомъ» (Toselli).

Howden приводитъ нѣсколько случаевъ религіознаго бреда у эпилептиковъ и поддерживаетъ тоже ученіе о религіозномъ чувствѣ у эпилептиковъ. По его, мнѣнію эпилепсія не создаетъ религіознаго чувства, а только видоизмѣняетъ его, поэтому религіозная экзальтація предполагаетъ уже ранѣе существующее религіозное чувство. Реригіозное чувство эпилептика не вліяетъ, однако, на нравственныя начала эпилептика.

Мнѣ лично приходилось наблюдать болѣе тысячи эпилептиковъ и, на основаніи личнаго опыта, я могу сказать слѣдующее: религіозное чувство можетъ быть усиленнымъ у эпилептиковъ, но

это не есть слишкомъ частое явленіе. Религіозное проявленіе эпилепсіи можетъ выражаться въ формѣ религіозныхъ галлюцинацій, религіознаго бреда, религіозной маніи и религіозной экзальтаціи. Всѣ эти проявленія могутъ быть какъ въ связи съ припадкомъ эпилепсіи, такъ и ихъ эквивалентомъ и въ промежуткахъ между припадками. Иногда религіозность рѣзко проявляется въ періодъ наступленія слабоумія, когда эпилептикъ въ этой религіозности старается найти утѣшеніе въ несчастіи и надежду на спасеніе. Совершенно вѣрно, что религіозность эпилептика не всегда стоитъ въ согласіи съ его нравственностью, но несомнѣнно—между этими лицами есть и люди высоконравственные.

Я позволю себѣ привести два случая религіозныхъ галлюцинацій и религіозной экзальтаціи, бывшихъ подъ моимъ наблюденіемъ *).

*) П. И. Ковалевскій. «Эпилепсія и ея леченіе». 1898.

I. Крестьянинъ, холостъ, православный, 40 л., красильщикъ, малограмотенъ. Отецъ и мать его пьяницы. Припадки судорожной эпилепсіи начались на шестомъ году. Въ послѣдніе годы у него начали замѣчаться нѣкоторыя странности въ религіозномъ отношеніи. Будучи богомазомъ, онъ много ходилъ по монастырямъ. Здѣсь онъ любилъ молиться Божіей Матери. При этомъ «ему становится такъ жалко, такъ жалко, что ажъ за душу хватаетъ,—а чего—и самъ не знаю». Иногда и дома на него нападала эта жалость о Божіей Матери, и онъ начиналъ плакать, молиться и затѣмъ переходить въ восторженное и восхищенное состояніе... Больной полагалъ, что на землѣ ходитъ Христосъ. Онъ такъ думаетъ и такъ чувствуетъ. Самъ больной нищій, но святой человѣкъ; поэтому Спаситель ему завидуетъ и нѣсколько недоволенъ на него. Зависть эту онъ частью предполагаетъ, а частью чувствуетъ,—какъ? этого онъ не можетъ выразить. Боль-

ной въ одно и то-же время и Василій Великій, и Григорій Богословъ и Іоаннъ Златоустъ. Онъ самъ Василій,—отецъ его былъ Григорій, — но почему онъ Іоаннъ — этого выяснить не можетъ.—Данный случай очень напоминаетъ случай Blumenstock'а *), въ которомъ больной считалъ себя Христомъ, Дѣвой Маріей и Духомъ Святымъ.

Еще ярче проявленіе религіозной экзальтаціи было во второмъ случаѣ, при чемъ оно связано было, видимо, съ припадками эпилепсіи.

Больной — діаконъ, эпилептикъ, представилъ мнѣ собственную рукопись, которую я привожу цѣликомъ.

«8-го мая 1861 года явился ко мнѣ неизвѣстный пустынникъ, лѣтъ повидимому около 60, и предложилъ мнѣ вопросъ: «видѣлъ-ли я третьяго дня сонъ?»

— Видѣлъ.

«Какой?»

— Страшный пожаръ; пламя

*) Blumenstock. Real-Encyclopedie.

шло съ той стороны, куда была обращена моя спина, и въ то время, какъ и меня обхватило, я проснулся.

— Съ какой стороны?» Я указалъ.

«Въ это время я посланъ былъ къ тебѣ».

— Откуда, позвольте узнать?

«Изъ Симбирска».

— Но вѣдь вы не могли пройти этого разстоянія въ такой короткій срокъ!

«Я былъ въ то время въ Ливнахъ».

— Это другое дѣло. Чѣмъ же я заслужилъ это посланничество?

«Ты хорошаго отца хорошій сынъ!»

— Да, отецъ мой былъ хорошій человѣкъ, но я вовсе на него не похожъ ни по жизни, ни по нравственности. При этомъ я исчислилъ всѣ дурные поступки, утаивъ впрочемъ все, что было слишкомъ неказисто. Каково же было мое изумленіе, когда онъ самъ началъ досказывать утаенное и недосказанное! Потомъ онъ началъ сопоставлять

всѣ дурные поступки съ хорошими, и оказалось, что перевѣсъ остался за послѣдними.

Здѣсь разговоръ перешелъ на посторонніе предметы, при чемъ странникъ обнаружилъ большую ученость, начитанность, познанія и логику. Онъ свободно разсуждалъ о такихъ предметахъ, которые были для мена terra incognita. Вдался въ разсказы изъ временъ апостольскихъ, при чемъ произвелъ мою родословную отъ Корнилія Сотника (фамилія больного была Корниліевъ). Затѣмъ онъ ушелъ, приказалъ мнѣ перемѣнить бѣлье, при чемъ самъ выбралъ единственную отцовскую рубаху для меня, и пойти къ вечернѣ.

Какое-то благоговѣніе и трепетъ наводило на меня присутствіе этого человѣка. Туманъ помрачилъ мои мысли и указаніе свыше управляло моими дѣяніями. Я былъ въ состояніи откровенія и внушенія свыше.

Послѣ вечерни, возвращаясь домой, у воротъ своего двора, я опять встрѣтилъ того же стран-

ника и на просьбу его — благословить его — я отказалъ, такъ какъ будучи діакономъ, не имѣлъ на то права. Затѣмъ мы пошли въ комнату. Вошедши въ комнату, странникъ взялъ сосудъ съ масломъ и налилъ масла въ лампаду, при чемъ лампада сама собою зажглась и комната наполнилась благоуханіемъ. Странникъ сказалъ:

«Теперь ты вѣришь, что для меня возможны чудотворенія по изволенію Божію».

Затѣмъ многими восторженными религіозными разговорами довелъ меня до того, что я окончательно увѣровалъ въ его сверхъестественное посланничество отъ Бога. Опять объялъ меня страхъ и трепетъ благоговѣнія предъ лицомъ божественнаго посланника. Благодать Божія нисходила на меня, и я ощущалъ, что внутри меня дѣйствовала сила Божія.

Далѣе странникъ сравнилъ меня съ Авраамомъ, а мою вѣру— съ вѣрою Авраама и повелѣлъ мнѣ единственную дочь мою при-

нести въ жертву Богу, по образцу Авраама.

— Но гдѣ же я возьму овна? спросилъ я.

Тогда странникъ сталъ на колѣни, обратилъ руки назадъ къ солдатскому ранцу, висѣвшему у него на спинѣ, и сказалъ: «вотъ тебѣ телецъ вмѣсто овна», и велѣлъ мнѣ раздѣться до нага. Я это исполнилъ, положилъ ему не шею свою рубаху, а на нее свою четырехлѣтнюю дочь и поразилъ складнымъ ножемъ указаннаго тельца вмѣсто овна, лѣвою же рукой держалъ свою дочь. Затѣмъ онъ обратился ко мнѣ и сказалъ: «теперь иди на дворъ и зови людей; скажи имъ на малороссійскомъ діалектѣ, что тебя какой-то литвинъ уговорилъ зарѣзать твою дочь». Это я исполнилъ безпрекословно: съ ножемъ въ одной рукѣ, съ дочерью въ другой, я выскочилъ на дворъ и началъ кричать. Тогда прибѣжали люди, надѣли на меня рубаху, дочь отняли и отдали хозяевамъ, а меня связали; затѣмъ фельдшеръ пустилъ мнѣ кровь

изъ руки, поставилъ горчичники, и въ 12 часовъ ночи я заснулъ; *на другой день былъ совершенно въ здравомъ умѣ*».

Обстоятельства «жертвоприношенія» были подтверждены мнѣ однимъ докторомъ-очевидцемъ.

XI.

Обращаемся къ Магомету. Преданіе говоритъ, что когда ему было шесть лѣтъ, то ангелъ Гавріилъ захотѣлъ его очистить, послѣ каковой операціи няня застала его «въ судорогахъ и блѣднымъ какъ смерть». Шесть лѣтъ — это возрастъ наиболѣе частаго проявленія припадковъ эпилепсіи съ судорогами и смертельной блѣдностью. Весьма естественно, что припадки эпилепсіи у пророка начались именно въ это время. Засимъ въ теченіи долгаго времени не имѣется свѣдѣній о припадкахъ у Магомета. Только въ 40 лѣтъ они появляются вновь. Это совершенно возможно. Интереснѣе всего то, что такіе перерывы часто наблюдаются именно въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ вспослѣдствіи раз-

вивается душевная эпилепсія. Въ этотъ большой промежутокъ времени Магометъ занимается торговлей, женится, ведетъ высоконравственную жизнь и особенно усиленно предается религіозной мечтательности. Религія арабовъ его не удовлетворяла. Онъ занялся изученіемъ религій и ученіемъ о единомъ Богѣ. Много тутъ было всевозможныхъ толковъ, вѣроученій, но они не вполнѣ подходили подъ его требованія. Одни изъ нихъ были слишкомъ высоки и не вполнѣ доступны для его простой души, другіе слишкомъ запутаны, третьи не согласовались съ хищною натурою бедуина. Словомъ, онъ сознавалъ, что растеніе не приходилось къ почвѣ. Нужно было достать такой ростокъ, который бы удачно привился именно на арабской почвѣ; а для того нужно было, чтобы ученіе шло отъ араба.

И вотъ Магометъ самъ начинаетъ изъ различныхъ вѣроученій создавать то наипростѣйшее, которое наиболѣе было бы до-

ступно и могло понравиться и привиться къ слишкомъ неразвитой, дѣтской и хищной душѣ бедуина.

Магометъ чувствуетъ всю тяготу великаго дѣла. Онъ вполнѣ сознаетъ свое безсиліе. Но онъ вѣритъ въ Бога и всей душой молитъ Его, да ниспошлетъ Онъ и ему своего ангела съ вѣстью вѣры и откровенія, какъ онъ посылалъ его другимъ патріархамъ: и Адаму, и Ною, и Аврааму, и Моисею, и Христу. Усердно молится Магометъ Господу. Строго соблюдаетъ посты. Все время своихъ путешествій онъ въ умственной бесѣдѣ съ Богомъ о вѣрѣ и богопочитаніи. Дома онъ, въ свою очередь, въ средѣ людей, душевно преданныхъ невѣдомому Богу, —Богу, котораго они ищутъ и не могутъ найти. Особенно онъ сильно изнуряетъ себя молитвою и постами въ мѣсяцы покаянія, когда онъ поселился на горѣ Хира.

И вотъ, путемъ истощенія утомленія и умственнаго напряженія, Магометъ доводитъ себя до воз-

врата эпилипсіи. Припадки возобновились, но только теперь въ худшей формѣ. Къ судорожнымъ припадкамъ присоединились галлюцинаціи, религіозная экзальтація и восхищеніе. Эти припадки появлялись у Магомета двояко: то въ видѣ судорогъ, то въ видѣ головокруженія. И тѣ и другіе припадки сопровождались зрительными и слуховыми галлюцинаціями. Въ этихъ галлюцинаціяхъ воплотились давно переживаемые Магометомъ образы, происшествія и мысли. Въ нихъ явился ангелъ Гавріилъ съ цѣлью диктовать Магомету тѣ мысли и то ученіе, о которомъ онъ постоянно думалъ, съ которымъ онъ неразлучно жилъ и которому онъ отдалъ жизнь. Но теперь это ученіе шло отъ Бога. Магометъ искренно и глубоко вѣрилъ въ это. Вѣрили въ это и близкіе Магомету люди. Развѣ Аврааму, Моисею, Іисусу и др. Господь не посылалъ ангела своего! И развѣ не съ тѣмъ же ученіемъ посылалъ ангела. Вѣдь это не для Магомета, а для народа. Вѣдь народъ

израильскій, тѣ же потомки Авраама, получалъ заповѣди отъ Бога,—почему же арабамъ—потомкамъ Авраама отъ другого сына—не имѣть такого-же откровенія... Магометъ являлся только сосудомъ, въ которой изливалось это откровеніе Божіе. Это была трость, коею писалось откровеніе свыше.

Магометъ вѣрилъ въ это откровеніе и теперь весь отдался ему. Гоненія, брань, насмѣшки, издѣвательства, угрозы — даже лишеніе жизни, не могли бы теперь остановить Магомета въ предпринятой имъ миссіи. Религіозная экзальтація находила на него и съ припадками и безъ припадковъ. Особенно велика стала его миссія съ того момента, когда съ дѣломъ вѣры и религіи пришлось соединить и политику, и знаніе характера народа и государственную жизнь. Къ глубокой вѣрѣ Магомета пришелъ на помощь его недюжинный, геніальный умъ. Исходивъ всю Аравію, ознакомившись съ народными характерами на всѣхъ

ихъ ступеняхъ, познавъ натуру и бедуина и араба купца, геніальный умъ Магомета создалъ простѣйшую религію, въ которую онъ съумѣлъ ввести и политику—вполнѣ по духу и по натурѣ хищнаго, воинственнаго, независимаго, вольнаго, какъ птица—и фатально преданнаго Творцу бедуина. Своимъ геніемъ Магометъ умѣлъ понять то, чего не съумѣли уразумѣть купцы Каабы: вмѣсто раздѣляющаго племена идолопоклонства, онъ далъ вѣру въ единаго Бога, объединяющую всѣ племена и создающую стройное цѣлое, покорившее весь міръ.

И въ это время Магометъ имѣлъ припадки и видѣнія. Иные припадки были сложны и соединялись съ галлюцинаціями мускульнаго чувства, когда Магометъ чувствовалъ отрѣшеніе отъ земли, полетъ на небо, путешествія въ небесныя области. Въ другой разъ припадки были маленькіе, начинались крикомъ молодого верблюда и заканчивались потомъ.

Эти припадки не повліяли, од-

нако, на умственныя способности Могомета. До послѣднихъ дней жизни онъ оставался геніемъ и таковымъ имя его останется навсегда. Эпилипсія и геній — явленіе въ Магометѣ не единичное. Таковыми были Цезарь, Наполеонъ I, Петръ I и др.

XII.

Яснымъ намъ представляется и успѣхъ ученія Могомета. По существу у арабовъ были остатки и преданія вѣры патріарховъ. Если арабы и отклонились отъ единаго Бога, если они стали идолопоклонниками и язычниками, то только лишь по невѣдѣнію. По преданіямъ, по условіямъ жизни, по своему характеру, по природнымъ условіямъ бедуины были скорѣе поклонники единаго Бога. Близкое сосѣдство іудеевъ, христіанъ и различныхъ сектантовъ, — постоянное сношеніе съ ними, нерѣдкія бесѣды и проповѣди, недовольство и неудовлетворенность своими идолами,—все это подготовляло почву для успѣховъ новой вѣры, но только такой вѣры, которая была бы по натурѣ бедуину:

возможно простѣйшая и по мѣрѣ возможности чувственная, деспотическая и удовлетворявшая животнымъ и хищническимъ наклонностямъ дикаря бедуина. Магометъ съумѣлъ это подмѣтить, сообразить, приспособить и провести. Все дальнѣйшее совершилось само собою.

Магометъ имѣлъ видѣнія. Да вѣдь и другіе пророки имѣли видѣнія. Магометъ имѣлъ откровенія,—и другіе пророки имѣли тоже. Магометъ писалъ эти откровенія подъ диктовку ангела, или Господа,—и другіе дѣлали тоже. Да и могло ли быть съ Магометомъ иначе? Скорѣе всего—нѣтъ. Напротивъ, вся обстановка возникновенія откровенія и вѣроученія таковы, каковы должны были быть и по преданіямъ отъ древнихъ дней, и по примѣру у сосѣднихъ братскихъ народовъ.

Магометъ искренно вѣрилъ въ божественность откровенія своего ученія и готовъ былъ запечатлѣть истину его своею смертью. Это великій стимулъ для

вѣры со стороны желающихъ вѣрить. И Магомету вѣрили. Бросали домъ, родъ и отечество и переселялись въ чужую землю, ибо туда шелъ ихъ глава и посланникъ Божій. Ученіе Магомета пало на добрую почву, возросло могучее дерево и дало многочисленные плоды.

Великій успѣхъ ученія Магомета состоялъ въ томъ, что онъ съумѣлъ проникнуть въ духъ народа, соединить политику и религію, примѣнить ихъ къ особенностямъ націи. Пока будетъ существовать нація и пока не измѣнятся ея черты подъ вліяніемъ цивилизаціи и болѣе мягкаго человѣколюбиваго ученія, до тѣхъ поръ имя Аллаха и Магомета будетъ знаменемъ и кличемъ для многихъ милліоновъ людей.